

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

МУРОДОВА ДИЛАФРУЗ ШОКИРОВНА

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СИТУАТИВНЫХ РЕАЛИЙ И ПРИЕМЫ ИХ
ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Специальность: 5А 120201 - Теория и практика перевода
(Английский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра теории и практики перевода

Работа рассмотрена и
допускается к защите.
Зав. кафедрой
Қамбаров Н.М.
“ ” _____ 2013г.

Научный руководитель:
доктор педагогических наук,
профессор Махкамова Г. Т.

Ташкент – 2013

Содержание

Введение	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИТУАТИВНЫХ РЕАЛИЙ	6
1.1. Понятие «ситуативные реалии».....	6
1.2. Особенности межкультурной асимметрии ситуативных реалий в ракурсе фреймов.....	23
1.3. Функционально-прагматический аспект ситуативных реалий.....	29
Выводы по первой главе	34
ГЛАВА 2. ТРУДНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СИТУАТИВНЫХ РЕАЛИЙ	36
2.1. Фреймовая модель анализа и передачи ситуативных реалий в переводе.....	36
2.2. Трудности и приемы перевода ситуативных реалий.....	57
Выводы по второй главе	72
Заключение	74
Список использованной литературы	78

ВВЕДЕНИЕ

Наука является одним из основных факторов, от которого зависит как успешное овладение языком, так и развитие и совершенствование системы подготовки кадров. «...Задачей науки является формирование нашего будущего, направлений завтрашнего дня, природной закономерности, показа такой, какой она будет. Наука должна стать средством, силой, движущей вперед развитие общества». [1, с.2] Данная диссертационная работа посвящена изучению тех аспектов перевода, которые связаны с передачей на языке перевода не названий отдельных объектов или явлений, а целых ситуаций. Основным направлением исследования является выделение и изучение ситуативных факторов, оказывающих влияние на процесс перевода.

В языковедческих работах разных периодов ученые неоднократно обращались к вопросу расхождений в способах описания ситуации различными языками. В основе многих теоретических работ в области перевода явно или имплицитно лежит «ситуативная» интерпретация переводческой деятельности, которая нашла свое отражение в ситуативной теории перевода. Теория уровней эквивалентности подходит к проблеме ситуативной эквивалентности при переводе в более широком аспекте, она также рассматривает тождество ситуативных реалий как основу достижения эквивалентности на определенных уровнях. Однако, несмотря на то, что частные аспекты данной проблемы неоднократно становились предметом анализа и изучения в рамках общей и частной теории перевода, целостного исследования ситуативных реалий в лингвокультурологическом аспекте не проводилось, что позволяет говорить об актуальности настоящей работы.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена необходимостью более полного выявления и всестороннего изучения ситуативных аспектов перевода с учетом когнитивных процессов, связанных с репрезентацией ситуации в сознании человека. Данный подход включает анализ когнитивно-семантической организации высказывания как единицы речи, обозначаемым которого выступает ситуация действительности.

Вышесказанное во многом определяет основную **цель** предлагаемой работы, состоящую в изучении роли социокультурных и прагматических факторов в процессе перевода ситуативных реалий.

Цель исследования определяет **задачи**, которые можно сформулировать следующим образом:

- 1) анализ различных подходов к трактовке понятия «ситуативная реалья» в языкознании и теории перевода;
- 2) исследование ситуативных реалий в лингвокультурологическом аспекте перевода;
- 3) изучение роли ситуативных факторов в процессе перевода;
- 4) выявление и анализ расхождений в способах описания ситуативных реалий, а также случаев замены описываемой ситуации при переводе.

Объектом исследования является переводческая деятельность, а в качестве **предмета** исследования выступает многообразие факторов, связанных с передачей ситуативных реалий в разных языках, влияющих на процесс перевода.

Научная новизна реферируемой диссертации состоит в том, что:

- впервые осуществляется комплексный анализ аспектов перевода, связанных с передачей лингвокультурологических особенностей ситуативных реалий;
- впервые применяется фреймовая методика для оценки характера передачи ситуативных реалий в переводе на различных уровнях эквивалентности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в попытке комплексного анализа ситуативных аспектов перевода. Немаловажной является попытка анализа влияния когнитивных факторов, связанных с описанием предметной ситуации, на выработку переводческой стратегии.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования ее результатов в курсах теории и практики перевода, при выработке рекомендаций переводчикам для их практической работы.

Материалом для исследования послужили прозаические произведения английских и американских писателей и их переводы на русский язык. В их числе романы У. Коллинза “The Moonstone”, “The Woman in White”, Э. Бронте “Wuthering Heights”, У.С. Моэма “Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard”, “Theatre”, “The Moon and Sixpence”, Дж. К. Джерома “Three Men In a Boat”, О. Генри “Cabbages and Kings”. В ходе исследования достаточно широко использовались самые различные словари, справочники и энциклопедии.

Методы исследования: в процессе работы широко применяется метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального анализа, использовалась фреймовая методика и трансформационный метод.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается достаточным для получения объективных выводов объемом проанализированного фактического материала и тщательной проработкой научной литературы. Библиография включает 74 источника.

Основная цель, задачи и методы исследования обусловили **структуру работы**, включающую введение, две главы, выводы по главам, заключение и список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИТУАТИВНЫХ РЕАЛИЙ

1.1. Понятие «ситуативные реалии»

Межкультурное взаимодействие как общественный феномен было вызвано к жизни практическими потребностями послевоенного мира, которые были поддержаны изменениями в общественном сознании, в признании абсолютной ценности разнообразия мировых культур в отказе от колонизаторской культурной политики, в осознании хрупкости существования и угрозы уничтожения огромного большинства традиционных культур и языков. Необходимость межкультурных коммуникаций в современном обществе, их специфика и функции были рассмотрены российскими учеными С.Г. Тер-Минасовой [53] и зарубежными исследователями Р. Льюисом, Т. Тэном, Г.Хофстедом [34] и др.. Особый интерес представляют исследования, направленные на изучение включения личности в систему культуры и функций контроля за поведением личности, которые осуществляет культура. К подобным исследованиям относятся работы представителей американской культурной антропологии, например, Э. Сепир [46] и другие. Большой основополагающий вклад в теорию влияния языка на образ мышления и поведения человека внесли Э.Сепир и его последователь Б. Уорф [56].

Известно, что контакты и взаимоотношения между культурами возникают в результате различных причин. В современных условиях бурное развитие межкультурного взаимодействия происходит в самых разных сферах человеческой жизни: туризме, спорте, военном сотрудничестве, личных контактах и т.д. Социальные, политические и экономические изменения в мировом масштабе привели к небывалой миграции народов, их переселению, смешению и столкновению. В результате этих процессов все больше людей переступают раньше разделявшие их культурные барьеры.

Формируются новые явления культуры, границы между своим и чужим стираются. Возникающие при этом перемены охватывают практически все формы жизни и получают в разных культурах неоднозначную оценку. Эти оценки чаще всего определяются особенностями взаимодействующих культур. В контексте диалога культур информация существует не изолированно, а в неразрывной взаимосвязи с культурной картиной мира, имеющейся у каждой стороны. В совокупности культурная картина мира и коммуникативная информация образуют контекст процесса коммуникации.

В межкультурной коммуникации принято выделять внутренний и внешний контексты. В качестве внутреннего контекста выступает совокупность фоновых знаний, ценностные установки, культурная идентичность и характерные особенности индивида. [33, с.85] Сюда же может быть отнесен настрой, с которым коммуникант вступает в общение и который составляет психологическую атмосферу коммуникации. Внешний контекст коммуникации составляют условия и сфера общения. Для межкультурной коммуникации важным обстоятельством является место проведения коммуникации, которое определяет фон коммуникативного процесса. Коммуникант, находящийся на своей территории, чувствует себя более комфортно, чем иностранец, и лучше ориентируется в пространстве собственной культуры. Характер коммуникации на рабочем месте и дома будет различаться по степени углубления в бытовую культуру и влияния личностных факторов. Здесь чаще всего возникает довольно много недоразумений. [47, с.32] Межкультурные различия важно изучать по нескольким причинам: знание их позволяет четче осознать особенности своей культуры, позволяет более эффективно взаимодействовать с представителями другой культуры, избегать межэтнической напряженности и может служить руководством в случае этнических конфликтов, исследование культур других народов учит людей терпимости, уважению, и пониманию других культур. Потому как каждая культура неповторима, её взаимодействие с другими привносит сочность, эмоциональность,

экспрессивность, колоритность культуре того или иного народа. [49, с.42] Роль перевода в этом межкультурном обмене очень велика. Любое произведение ведет свой диалог с читателем: восприятие художественного текста есть общение с ним. Как и при взаимодействии двух языков, в случае с культурой в сознании читателя возможны три варианта:

- полная эквивалентность (культурные универсалии);
- неполная (частичная) эквивалентность;
- отсутствие эквивалентности.

Национальное своеобразие произведения проявляется в целом ряде факторов, таких как: сюжет, характеры и ситуации, специфика языка. Однако исполнительский характер переводческого труда вносит свои коррективы. Например, сюжетно-тематическая сторона произведения не входит в компетенцию переводчика. [45, с.21] А вот язык произведения в его национальной специфике входит в сферу переводческих проблем, образуя то, что Влахов и Флорин метко охарактеризовали как «муки переводческие». Отсюда дилемма – или показать специфику национальной окраски и увлечься «экзотикой» или сохранить привычность и утратить специфику». [13, с. 279] Точка зрения об оптимальном соотношении оригинального замысла и импровизации в тексте, является сегодня доминирующей в теории перевода. И. Левый так сформулировал эту концепцию: «В переводе имеет смысл сохранять лишь те элементы специфики, которые читатель перевода может ощутить как характерные для чужеземной среды. Все остальное представляет собой бессодержательную форму, поскольку не может быть конкретизировано» [32, с. 130].

К числу аутентичных элементов текста, проблема передачи которых относится именно к компетенции переводчика, принадлежат реалии, ситуативные реалии и имена собственные в той их части, которая допускает и перевод, и транскрипцию, т.е. в первую очередь так называемые «значащие имена». Под реалиями современная теория перевода понимает «слова (и

словосочетания) именующие объекты, характерные для жизни и быта одного народа и чуждые другому» [14, с. 55].

С.Влахову и С.Флорину принадлежит и общепризнанная предметная классификация реалий, состоящая из 3 больших групп:

- ✓ географические реалии;
- ✓ этнографические реалии;
- ✓ административно-политические реалии.

Тесно соприкасаются с реалиями, так называемые ситуативные реалии. «Будучи наименованием отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории данного народа или данной страны, реалия как отдельное слово не может отразить данный отрезок действительности в целом. Многое из того, что нужно «читать между строк», не вмещается в узкие рамки отдельных слов-реалий. Таковы характерные иносказания, намеки, аллюзии, все «сказанное» языком жестов и весь внеязыковой фон» [36, с. 25]. С другой стороны, словесное искусство – не плакат, и авторская идея, сверхзадача обычно в той или иной степени заключены в подтексте. Раскрытие сокровенного смысла отдельных элементов складывается в общую картину понимания, причем не только логической, но и эмоциональной глубины текста. Теоретики перевода правы, утверждая, что: «Вопрос об отражении внеязыковой действительности реалиями (и иными средствами) – один из самых сложных в теории перевода и вместе с тем исключительно важный для любого переводчика художественной литературы. [34, с.32] В нем сплетается целый ряд разнородных элементов, таких, как переводческий аспект страноведения, культура переводчика, учет фоновых знаний (знакомство с соответствующей средой, культурой, эпохой) читателя перевода по сравнению с привычными восприятиями и психологией читателя подлинника и, наконец, немало литературоведческих и лингвистических моментов» [40, с. 26].

Следующий важный вопрос – как реализуется на практике тот особый подход при передаче реалий, о котором говорят классики вопроса, в том

числе С. Влахов и С. Флорин. Он заключается в следующем: 1. Транскрипция или транслитерация. 2. Аналогия.

Данные взаимно противопоставленные способы достаточно употребительны: если транскрипция или транслитерация сохраняет национальный облик реалии, выделяющий ее в тексте, колорит иноязычного текста, то необходимость обращаться к сноске, нередко отвлекает читателя от эстетического сопереживания, что идет во вред главной задаче текста. «В зависимости от того, сосредоточено ли на ней внимание читателя, стоит ли она на виду или же является незаметной деталью в тексте подлинника, по-разному будет решаться вопрос о выборе» [41, с. 106]. Ситуативная реалия в важном месте может быть и опущена, дабы не отвлекать внимание читателя от главного. [64, с. 43]. Очевиден тот факт, что перевод ситуативных реалий на другой язык являются трудной, многогранной, емкой работой, требующей внимания, терпения, знания культурной самобытности, культурных различий данных народов, которые должны учитывать переводчики.

Вопрос о том, может ли язык быть отражением культуры, занимает одно из центральных мест в лингвистике. Ответ на него зависит от того, как решается проблема способности языка отражать действительность, частью которой является культура. [65, с.32] Ценности одной национальной общности, отсутствующие у другой вовсе или существенно отличающиеся от них, составляют национальный социокультурный фонд, который, так или иначе, находит свое отражение в языке. Изучение социокультурного фона и лексики, отражающей его, представляется необходимым в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры. [62, с.51]

Социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности и отраженные в языке данной национальной общности, В. С. Виноградов называет фоновой информацией. [12, с.25] Последняя включает в себя специфические факты истории, особенности

государственного устройства и географической среды национальной общности, характерные предметы материальной культуры, фольклорные понятия – все то, что в теории перевода обычно называют реалиями.

Под реалиями в переводоведении понимают не только сами факты, явления и предметы, но и их названия. Понятия, отражающие реалии, носят национальный характер и относятся к категории безэквивалентной лексики, которую Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют как слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, а также слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат.[11, с.63]

Лексика любого языка образует систему в силу того, что каждое слово и соответственно каждое понятие занимают в ней определенное место, очерченное отношениями к другим словам и понятиям. Сам характер вычленения конкретных звеньев реального мира, их группировки, а также передачи в другом языке зависит от наличия в языке соответствующих наименований. И в этом плане в процессе перевода с одного языка на другой вполне естественно и закономерно возникает так называемая проблема лакуны. Лакуна (от лат. *lacuna* – углубление, впадина) – отсутствие в одном из языков наименования того или иного понятия. Условия социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта народа, его мировоззрения, психологии, традиций и т. д. обуславливают возникновение понятий, принципиально отсутствующих у носителей других языков. Соответственно, в других языках не будет и однословных словарных эквивалентов для их передачи.

Проблемой лакуны интересовались Л. С. Бархударов [5], И. И. Ревзин[42] и ряд других исследователей. Лакуны условно подразделяются на мотивированные и немотивированные. Мотивированные лакуны связаны с отсутствием самой реалии у того или иного народа. Мотивированные лакуны выявляются в сфере так называемой безэквивалентной лексики. Они обычно

даются при переводе с пояснениями. Немотивированные лакуны не поддаются объяснению через отсутствие реалии: соответствующие реалии есть, но народ в силу культурно-исторических причин их как бы не заметил, не сформулировал понятий об этих реалиях, оставил их неназванными. Например: в русском языке: мать мужа – свекровь, мать жены – тёща, в английском языке нет дифференциации: *mother-in-law*; соответственно: тесть, свекор, *father-in-law*. В процессе перевода значение таких слов обычно становится ясным из контекста. Поэтому нет необходимости переводчику давать соответствующие пояснения или сноски.

Проблема «элиминирования лакун различных типов» тесно связана с проблемой перевода лексических единиц с национальной маркированностью – языковых реалий. С позиций лингвострановедения и переводоведения реалии подверглись наиболее детальному изучению. В терминологическом плане различают «реалию-предмет» и «реалию-слово», его обозначающее. В лингвистической литературе термин «реалия» употребляется как в значении слова-реалии, так и в качестве предмета-реалии, а также для обозначения элемента лексики того или иного языка. В сопоставительном лингвострановедении реалиями считают слова, обозначающие предметы или явления, связанные с историей или культурой, экономикой или бытом страны изучаемого языка, которые отличаются полностью или частично от лексических понятий и слов сопоставляемого языка. К числу реалий в лингвострановедении относят, *во-первых*, ономастические реалии, включающие в себя: а) географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации; б) антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, писателей, учёных, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора; в) названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события в жизни страны, названия государственных общественных учреждений и многие другие. *Во-вторых*, реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой: 1) географические термины,

обозначающие особенности природной географической среды, флоры и фауны; 2) некоторые слова (в том числе общие термины), относящиеся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, искусству, системе образования, производству и производственным отношениям, быту, обычаям и традициям.

К реалиям в своих исследованиях обращались Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [10, с.13], оперировавшие терминами «фоновые» и «коннотативные слова», «безэквивалентная лексика», или «слова с культурным компонентом», понимая под ними лексические единицы, своеобразная семантика которых отражает особенности культуры. У исследователя страноведчески-ориентированной лексики Г. Д. Томашина, сопоставлявшего американский вариант английского языка и русский язык и стоящие за ними культуры, встречаются термины «денотативные реалии» и «коннотативные реалии». Денотативные реалии, по определению Г. Д. Томашина, – это такие факты языка, которые обозначают предметы и явления, характерные для данной культуры, не имеющие соответствий в сопоставляемой культуре. [54, с.35] Коннотативные реалии, в противоположность денотативным, обозначают предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и обслуживающем её языке дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре.

Для обозначения слов-реалий в переводоведении исследователями были введены следующие основополагающие понятия, как:

- безэквивалентная лексика – слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат (Г. В. Чернов [61], А. В. Федоров [57]);
- экзотическая лексика – лексические единицы, обозначающие географические и исторические реалии; ■ пробелы (лакуны) – ситуации, обычные для культуры одного народа, но не наблюдаемые в другой культуре (И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг [42]);

- варваризмы – слова, с помощью которых становится возможным описание чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта, создание местного колорита (А. А. Реформатский [43]);
- этнокультурная лексика (этнолексемы) – лексические единицы, характеризующие систему знаний о специфической культуре определенного народа как историко-этнической общности людей [60, с. 26];
- алиенизмы – слова из малоизвестных языков, подчеркивающие стилистическую функцию экзотизмов [2, с.36].

В. С. Виноградов называет реалиями все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, относя их к классу безэквивалентной лексики. [12, с.28]

Помимо обычных реалий, исследователь выделяет ассоциативные реалии, которые находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках.

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как особую категорию средств выражения, включающую в себя слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни, быта, культуры и истории одного народа и чуждые другому. Исследователи отмечают, что при переводе реалии требуют особого подхода, поскольку не имеют точных соответствий в других языках, будучи носителями национального и/или исторического колорита.

В целом, приведенные выше дефиниции характеризуют рассматриваемое нами понятие «слова-реалии» как языковые единицы, обозначающие элементы «чужой» культуры, имеющие национальную, историческую, местную или бытовую окраску, не имеющие эквивалентов в других языках и культурах.

Сопоставив существующие в лингвистике и переводоведении определения термина «реалия», рассмотрим его как языковую единицу. На вопрос, к какой категории языковых единиц относятся реалии, не существует единого мнения. Однако, большинство авторов (А. В. Федоров, С. Влахов, С. Флорин и др.) считают, что реалии могут быть выражены отдельными словами и словосочетаниями, семантически равными словам.

Грамматическая форма реалии как слова зависит от ее принадлежности к определенной части речи и от особенностей грамматического строя языка. По наблюдениям С. Влахова и С. Флорина, в большинстве своем реалии – имена существительные, что закономерно, поскольку, исходя из рассмотренных выше определений, реалии чаще всего называют предметы и явления. [13, с.12] Реалиями также следует считать отыменные прилагательные, значение которых непосредственно связано со значением реалий. Непроизводные реалии среди других частей речи встречаются крайне редко.

В целях выяснения содержания реалии как переводоведческого термина следует рассмотреть его на фоне других классов лексики. Наибольшее количество общих черт реалии имеют с терминами. Как реалии, так и термины представляют собой чаще всего однозначные, лишённые синонимов слова и словосочетания, называющие предметы, понятия, явления. Среди обоих классов есть единицы иноязычного происхождения, а также единицы с исторически ограниченным значением.

Отличительными признаками реалий при сопоставлении с терминами можно считать национальную и историческую окрашенность и связь преимущественно с художественной литературой. Рассматриваемые лексические категории отличаются и по способу проникновения в другие языки: термин получает распространение вместе с предметом, названием которого является, реалия проникает в другой язык чаще из литературы и по каналам средств массовой информации. По своему происхождению реалии возникают путем естественного словотворчества, в то время как термины

создаются искусственно, чаще всего на основе слов латинского и греческого происхождения, либо путем переосмысления уже существующих слов.

Следует отметить, что в определенных случаях наблюдается переход реалий в термины и наоборот; существует также категория единиц, которых можно считать одновременно и терминами, и реалиями, поэтому при разграничении понятий следует опираться на контекст.

Реалия и имя собственное между собой связаны настолько тесно, что в ряде случаев отнести лексическую единицу к тому или другому классу лексики возможно лишь с опорой на орфографию. Ряд авторов, в том числе В. С. Виноградов, включают имена собственные в категорию реалий, другие же (С. Влахов, С. Флорин) рассматривают реалии как класс безэквивалентной лексики. Некоторые авторы утверждают, что названия праздников, сказочных существ могут быть в разных условиях, как реалиями, так и именами собственными.

Обращения образуют особую группу реалий. Следует отметить, что истинными реалиями можно считать только те из них, которые являются носителями национального колорита в рамках языка оригинала. Ряд реалий могут представлять собой отклонения от литературной нормы. Прежде всего, их следует искать среди диалектизмов. Реалии такого типа С. Влахов и С. Флорин называют локальными в противовес национальным. Относительно немного реалий среди элементов сниженного стиля и практически не встречаются они среди отклонений, возникших как стилистический прием автора.

Более стройному определению понятия «реалия», наряду с не очень четкими границами самого предметного значения, препятствуют и заметные расхождения в терминологии. Известный поэт-переводчик Пеньковский упоминает, что Гейне заполнял свои стихи огромным количеством собственных имен, географических названий и многих других реалий, то есть того, что ничем заменено быть не может, что при всех условиях должно сохраниться в переводе. Таким образом, он приравнивал реалии к

«безэквивалентной лексике» в трактовке Е.М. Верещагина и В. Г. Костомарова и даже расширяя его границы.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров указали лишь то, что слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются безэквивалентными. Такие слова в строгом смысле непереводимы. [11, с. 79]

Г.В. Чернов толкует реалии как экзотическую лексику [61,с.59], а А.Д. Швейцер определяет реалии как безэквивалентную лексику. [63, с.41] Чаще всего в литературе встречаются термины «безэквивалентная лексика» и «экзотическая лексика» или «экзотизмы» и наряду с ними, нередко в том же или близком значении – «варваризмы», «локализмы», «этнографизмы», «этнолексемы», «этнокультурная лексика» или «этнокультуроведческая лексика», «слова с нулевым эквивалентом» и другие. Эти понятия роднит национальная, историческая, местная, бытовая окраска, отсутствие соответствий (эквивалентов) в переводящем языке, а в отношении некоторых – и иноязычное происхождение.

Термин «безэквивалентная лексика» встречается у многих авторов, которые, однако, трактуют его по-разному: как синоним «реалии», несколько шире – как слова, отсутствующие «в иной культуре и в ином языке», несколько уже – как слова, характерные для советской действительности, и, наконец, просто как непереводимые на другой язык слова. Говорить о безэквивалентной лексике, рассматривая ее в плоскости одного языка, в принципе, вообще не следовало бы поскольку этот термин можно считать обоснованным лишь для науки, для которой сравнение категорий одного языка с категориями другого или других языков является ведущим методом исследования; таковы переводоведение, сопоставительное языкознание, контрастивная, конфронтативная лингвистика, отчасти методика преподавания иностранных языков, отчасти лингвострановедение.

Подтверждает это и высказывание Е.В. Бреус о том, что в каждом конкретном языке выделение лингвистических единиц и установление

лингвистических понятий осуществляется не путем сопоставления с другими языками, а путем сравнения с другими единицами того же языка, путем установления их внутренней природы. [8, с.20]

Согласно этой логике, определять безэквивалентность нужно, опираясь на принятое в теории перевода представление об эквиваленте, в частности на дефиницию, которую дает понятию «эквивалент» Я.И. Рецкер: это постоянное равнозначное соответствие, как правило не зависящее от контекста. [44, с.87]

При этом положении безэквивалентной лексикой будут лексические (и фразеологические) единицы, не имеющие, как правило, постоянных, не зависящих от контекста, эквивалентов в переводящем языке.

Конечно, можно было бы употреблять применительно ко всей безэквивалентной лексике термины реалии и лакуны. Действительно, в большинстве этих случаев (но далеко не во всех!) мы имеем дело с понятиями, обозначающими предметы и явления, характерные для исходного языка и отсутствующие в переводящем языке. Но тогда пришлось бы говорить о реалиях-междометиях, реалиях-терминах, или лакунах-междометиях, лакунах-терминах, и т.п.

Г.В. Денисова выдвигает еще один аргумент против такого обобщающего употребления терминов реалии и лакуны. [16, с.25] Дело в том, что они не являются терминами собственно переводоведения и были заимствованы из лексикографии, страноведения и контрастивной лингвистики, где они вполне уместны и служат своей цели.

В переводоведении же при употреблении в качестве определения такого большого класса слов, как безэквивалентная лексика, они лишены корректной целеполагающей установки, поскольку не говорят о задачах, возникающих перед переводчиком в связи с трудностями их передачи на переводящий язык. Совершенно другое дело употребление термина реалии применительно к явлениям или понятиям, имеющимся в языке или культуре

языкового коллектива исходного языка, но отсутствующим в языке или культуре языкового коллектива переводящего языка.

Все в тех же границах безэквивалентной лексики значительное место занимают слова, которые можно назвать собственно безэквивалентной лексикой или безэквивалентной лексикой в узком смысле слова – единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в переводящем языке; обычно они, подобно терминам, лишены коннотации.

Для обозначения специфических элементов внутренних и внешних культур – «языковых реалий» и «безэквивалентной лексики» – некоторые исследования предлагают термины «идионим» и «ксеноним». Однако при такой классификации используются скорее внелингвистические критерии.

Следует отметить, что каждый из них смещает значение, заложенное в термине реалия, в сторону какого-либо одного компонента, например, термин локализм приближает значение к диалектизмам, областной лексике, а экзотизм акцентирует внимание на предметах национального колорита. Таким образом, каждый из этих терминов сужает значение определения реалия до отдельного преобладающего, но не исчерпывающего признака. Наиболее соответствующим термину реалия можно признать словосочетание этнокультуроведческая лексика, которое содержит в себе наибольшее число компонентов, характеризующих данную «историко-этническую общность людей».

Я.И. Рецкер пишет о безэквивалентной лексике, представляющей собой прежде всего обозначение реалий, характерных для страны исходного языка и чуждых другому языку и иной действительности. Если и приравнять в данном случае безэквивалентную лексику к реалиям, то речь у авторов идет почти исключительно о своих реалиях, то есть с направленностью перевода с русского на иностранные языки. [44, с. 67]

Своё определение сформулировал А.Л. Семенов. Под безэквивалентной лексикой он понимает лексические единицы исходного языка, которые не имеют в словарном составе переводящего языка эквивалентов, то есть

единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне плана выражения все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения, или одного из вариантов значения исходной лексической единицы. [48, с. 39] Это предполагает, что в словарном составе переводящего языка отсутствует единица аналогичного уровня, а не просто словарная статья в двуязычном словаре, правая часть которой может быть представлена и в виде описательного перевода, который, однако, не всегда может быть использован в тексте перевода без дополнительных трансформаций.

Употребляя далее термин английская безэквивалентная лексика, нужно иметь в виду, что в реальности он означает «английская лексика, безэквивалентная при переводе на русский язык». Это важно помнить, поскольку понятие безэквивалентность имеет смысл только в рамках определенной пары языков и применительно к переводу только в определенном направлении, в данном случае, при переводе с английского на русский язык. Иначе говоря, то, что безэквивалентно при переводе на один язык, совсем не обязательно не имеет эквивалента при переводе на какой-либо другой язык.

При этом, Т.А. Фесенко подчеркивает, что нельзя отождествлять безэквивалентную лексику с непереводаемым: непереводаемое в безэквивалентной лексической единице – это только отдельные непередаваемые на аналогичном уровне элементы значения, но не сама лексическая единица. [58, с. 45]

С. Влахов и с. Флорин приводят главный признак различия между статусом реалии и безэквивалентной лексикой: если данное слово – реалия, то оно будет реалией безотносительно к тому или иному языку, а безэквивалентность устанавливается в рамках данной пары языков, иными словами, список реалий данного языка в синхроническом плане более или менее устойчив, независимо от ПЯ, в то время как разные пары языков будут иметь для каждого из них разные словари безэквивалентной лексики. [13, С.65]

Как уже мы отметили, термин лакуна обозначает пробел или пропуск. Говоря о семантических лакунах, имеется в виду отсутствие в переводящем языке определенного, конкретного понятия обозначаемого в исходном языке данной лексической единицей (словом или словосочетанием).

Но речь не идет о невозможности выражения этого понятия средствами переводящего языка, а только лишь об отсутствии в переводящем языке единицы аналогичного уровня для обозначения этого понятия.

Другое дело, что при этом уровень плана выражения может не совпадать в исходном и переводящем языках. Само существование таких семантических лакун в конкретных парах языков, наглядно демонстрирует тезис о несовпадении картин мира в различных языках.

Примерами подобных слов в английском, обозначающих понятия, полностью необъяснимо отсутствующие в русском языке и требующие многословного описания для передачи их значения при переводе, могут быть: *bouncer* – человек или вещь крупных размеров, *barber* – пар над водой в морозный день. В русском языке примерами таких лакун могут служить по отношению к английскому языку слова "ровесник", "именины", "сутки" и т.д.

Будучи элементами традиционного поведения определенного народа, отражающими его национальные черты, такие ситуативные реалии должны найти свое отражение и в переводе: если опустить и/или исказить и/или не разъяснить их, то читатель не сможет получить верного представления о произведении или истолкует его для себя, в своем национальном ключе.

Несмотря на яркий национальный, а иногда и временной колорит, ситуативные реалии, в отличие от лексических, сравнительно легче поддаются переводу, так как их передача не связана с необходимостью сохранять какую-нибудь форму. Трудность заключается, во-первых, в их распознавании (нередко переводчик приписывает данному народу привычки и обычаи, которых у него нет) и, во-вторых, в умении подыскать наиболее лаконичную форму, в которую и заключить объяснение или намек на

сущность дела. Если сравнительно просто дать читателю понять, что хочет сказать персонаж, глядя с сожалением на собеседника и крутя ладонь с растопыренными пальцами у виска или посвистывая и уперев опять-таки в висок указательный палец, то весьма нелегко несколькими словами рассказать легенду, передать суть приметы, растолковать традиционное поведение, направить мысль читателя к известной каждому носителю языка сказке или произведению литературы.

Реалии, будучи наименованиями предметов, понятий, культурных, бытовых и исторических явлений определенного народа и страны, отражают тот или иной отрезок действительности, следовательно, тесно связаны с внеязыковой действительностью. Внеязыковой фон, созданный так называемыми «ситуативными реалиями» – иносказаниями, словами-реалиями, аллюзиями, намеками – должно отражать в тексте перевода.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы, что реалии представляют собой слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе, а также являются одним из классов безэквивалентной лексики и характеризуются гибкостью, не теряя своего статуса, они могут одновременно относиться к нескольким лексическим категориям.

Таким образом, многие реалии являются выразителями коннотативных значений и основным критерием отличия реалии от других классов лексических единиц является её национальная и (или) временная окраска.

1.2. Особенности межкультурной асимметрии ситуативных реалий в ракурсе фреймов

Проблема межкультурной асимметрии, являющейся одним из главных факторов, затрудняющих коммуникацию между представителями различных культур и составляющей извечную проблему теории перевода и переводческой практики. В то же время, исследования реалий, как правило, касались отдельных, взятых изолированно, предметов и явлений и их имен в сравниваемых языках. Поэтому в поле зрения исследователей реалий нередко попадали разрозненные факты культуры, характеризующие, прежде всего, с точки зрения их экзотичности, экспрессивности, то есть национального колорита, а также степенью сложности выбора для них соответствующих имен в языке перевода (напр.: "баба-яга", "изба", "щи" и т. п.). При этом интерес к той или иной реалии оказывался тем выше, чем экзотичней она представлялась носителям иной культуры, чем сложнее оказывался выбор эквивалента.

Однако культурная асимметрия часто проявляется в самых обычных ситуациях повседневной жизни, в которых, на первый взгляд, привычным образом взаимодействуют привычные объекты. Такая асимметрия может быть определена как "межкультурная ситуативная асимметрия". На самом деле, за внешней похожестью предметов, их состояний и взаимосвязей скрываются глубинные культурные расхождения. Эти "малозаметные препятствия" нередко служат причиной неудач межъязыковой и межкультурной коммуникации, в частности, переводческих ошибок, не только затрудняющих коммуникацию, но и способных создать искаженную картину того или иного фрагмента чужой культуры. В основе этих искажений лежит неверная пресуппозиция о подобии, аналогии, описываемых фактов культуры. Такие явления скрытой, неявной, межкультурной асимметрии на уровне описываемой ситуации изучены еще не достаточно полно, ни теорией перевода, ни контрастивной лингвистикой,

ни сравнительной культурологией. В то же время, практика межкультурной коммуникации, в частности, практика художественного перевода, не перестает давать в руки исследователя все новые и новые факты неточностей и искажений, обусловленных ситуативной межкультурной асимметрией. [35, с.24] Недостаточная изученность явления, лежащего в основе коммуникативных неудач, с одной стороны, и достаточно частая повторяемость этих неудач в практике межкультурного общения, в частности, в практике художественного перевода, обуславливают актуальность настоящего исследования. Более того, выделение "межкультурной коммуникации" в особую специальность, требует более пристального изучения фактов межкультурной асимметрии в самых разнообразных сферах человеческого бытия и привлечения к сравнению различных пар языков, обслуживающих разные культуры. [16, с.35]

Категория "реалии" как явления, свойственное какой-либо культуре и проявляющееся с наибольшей очевидностью при контакте культур в переводе, не может ограничиваться только статическими элементами. Она может быть дополнена категорией "ситуативной реалии". [18, с.75]

Ситуативные реалии составляют предметные ситуации высказываний. Они оказываются в большей степени обусловленными культурными традициями, чем отдельные предметы культуры, обозначенные отдельными словами и словосочетаниями.

При обозначении "ситуативных реалий" в переводе используются комплексно разнообразные переводческие приемы, в частности, такие как адаптация, конкретизация, генерализация и калькирование.

Наиболее распространенным способом преобразования текста в переводе при описании "ситуативных реалий" оказывается адаптация, которая нередко приводит к искажениям информации об иной культуре. Адаптация культурологически значимого факта происходит либо сознательно, когда переводчик в силу асимметрии языковых картин мира вынужден заменять обозначение на сходное, но не идентичное, либо

бессознательно, когда переводчик не ощущает национально-культурной специфики того или иного явления. [15, с.63]

Генерализация понятий - наиболее распространенный прием передачи элементов чужой действительности, не находящихся точных эквивалентов в языке перевода - нередко используется при описании "ситуативных реалий". Замена конкретного обозначения более общим приводит иногда к нарушению авторского замысла.

Конкретизация понятий - противоположный переводческий прием - также нередко применяется в описании ситуативных реалий. Это в некоторой степени уточняет общую типологическую картину соотношения английского и русского языков, в которой английский язык всегда представляется более абстрактным, обобщающим, чем русский.

Текстовые фрагменты, вызывающие в сознании тот или иной фрейм, и составляют ту единицу перевода, которая обладает двумя необходимыми свойствами: контекстуальной обусловленностью и пространственной обозримостью. [20, с.46]

Перевод представляет собой источник информации об иной культуре лишь при сопоставлении текста оригинала и перевода. Переводная литература без сопоставления с оригиналом способна давать искаженное, в той или иной степени, представление об иной культуре. [21, с.65]

Анализ оригинальных текстов и текстов перевода позволил убедиться в том, что переводчики довольно часто подменяют явления иной культуры явлениями собственной культуры, так сказать "культуры переводящей". [17, с.28] Однако данный общий вывод о степени эквивалентности, точнее, неэквивалентности, мало в чем продвинул бы нас на пути к поиску наиболее адекватных способов описания в переводе ситуативных реалий. Потребовалось провести детальный структурный анализ интересующих нас высказываний. Для этого оказалось необходимым, прежде всего, попытаться представить явления культуры в виде некой системы, то есть объекта, обладающего системными свойствами. Представление культуры в

виде системы предполагает наличие у нее таких взаимосвязанных свойств, как целостность, структурность, связанность элементов, отношений и иерархичности. [19, с.81]

Культура, безусловно, обладает определенной целостностью, так как ее свойства не могут быть сведены к сумме свойств ее элементов. Свойства культуры не могут быть выведены из свойств одного из составляющих его элементов. Составляющие культуры как системы - это функциональные единицы, имеющие форму, значение и дистрибуцию.

Эти функциональные единицы во взаимосвязи могут быть представлены в виде моделей, позволяющих сравнивать между собой и оценивать конкретные факты культуры (культурно-обусловленные предметные ситуации - ситуативные реалии). [22, с.69]

Национальная культура как система получает свое отражение в системе национального языка, являясь частью отраженной им языковой картины мира. Языковые картины, созданные разными реальными языками, накладываясь друг на друга, представляют асимметричное явление, совпадающее в одних частях и различающееся в других, что создает определенные сложности для поиска эквивалентов в переводе.

В художественном тексте проявляются свойства конкретной языковой картины мира, получившей своеобразное, индивидуальное преломление в сознании художника: картина мира, представленная национальным языком, соотносится с индивидуальной картиной мира и языком художника. [23, с.42]

В переводе на первый план выступает оппозиция двух языковых картин мира: картины мира, заключенной в языке оригинала, и картины мира, заключенной в языке перевода. Асимметричные зоны этих систем традиционно определялись как реалии и составляли особую область исследования теории перевода. [27, с.17] Однако даже та часть картин мира, представленных разными языками, которая демонстрирует внешнее подобие, на самом деле, является неэквивалентной, так как описывает неэквивалентные предметные ситуации - "ситуативные реалии". Перевод,

традиционно использовавшийся и трактующийся, в основном, как источник сопоставительного лингвистического анализа, может быть также и важным источником данных для сравнительных культурологических изысканий. Принятие перевода как одного из основных источников сведений о чужой культуре само по себе не исключает возможности искажений в восприятии чужой культуры. Надежность информации обеспечивается использованием категорий, позволяющих установить степень и характер межкультурных сходств и расхождений.

Взаимодействие культурных и языковых фактов в речевых произведениях может быть представлено в категориях когнитивной лингвистической теории - теории фреймов.

Фрейм - это структура данных для представления стереотипной ситуации. Он является теоретической моделью этой ситуации, предполагающей использование соответствующих языковых средств для ее описания. Фреймы как единицы познания соотносятся с высказываниями, которые, в отличие от слов, связаны не с отдельным предметом действительности (статический денотат), а с предметной ситуацией (динамический денотат). Предметные ситуации в большей степени, чем отдельные предметы, оказываются обусловленными культурными традициями. Они представляют собой ситуативные реалии, составляющие определенные трудности для перевода. Виртуальность предметных ситуаций, заключенных в высказываниях, позволяет представить их в виде объемных моделей, где активные элементы - актанты, взаимодействуют между собой во времени и в пространстве. [24, с.96] Категория "реалии" как явления, свойственного какой-либо культуре и проявляющегося с наибольшей очевидностью при контакте культур, не может ограничиваться только статическими элементами. Она должна быть дополнена категорией ситуативной реалии. Способы перевода реалий, достаточно полно изученные теорией перевода, распространяются главным образом на единицы, не превышающие величины словосочетаний. Ситуативные реалии,

описываемые высказываниями различной протяженности, предполагают только комплексные межъязыковые преобразования и не могут ограничиваться каким-либо одним способом.

Ситуативные реалии в переводе передаются комплексным использованием самых разнообразных переводческих приемов, среди которых наиболее часто используются такие, как адаптация, конкретизация и генерализация понятий. При обозначении предметных ситуаций, имеющих национально-культурную специфику, переводчик нередко использует более конкретные обозначения, чем в языке оригинала, что уточняет общую типологическую картину соотношения двух языков, в которой иностранный язык всегда представляется более абстрактным, обобщающим, чем русский. [29, с.52] Конкретизация, таким образом, является распространенным переводческим приемом, достаточно широко используемым в случаях описаний ситуативных реалий, относящихся к данному фрейму, независимо от общих типологических расхождений, сравниваемых языков.

Одним из распространенных приемов передачи элементов ситуативных реалий оказывается генерализация. Генерализация не только представляет ситуативную реалию в более обобщенном, но иногда и в искаженном виде. Искажения информации об иной культуре нередко происходят в результате того, что в переводном произведении в большинстве случаев явление, обладающее культурной спецификой, адаптируется переводчиком под собственную культуру. Адаптация культурологически значимого факта происходит либо сознательно, когда переводчик в силу асимметрии языковых картин мира вынужден заменять обозначение на сходное, но не идентичное, либо бессознательно, когда переводчик не ощущает национально-культурной специфики того или иного явления, в силу того, что архифрейм трапезы имеет общечеловеческую структуру и представляется поэтому свободно перемещающимся из культуры в культуру. [31, с.73] Перевод является источником информации об иной культуре лишь при сопоставлении текста оригинала и перевода. Переводная литература сама по

себе может давать не совсем точное, а иногда и искаженное представление об иной культуре. [39, с.123]

Проведенное исследование в этом плане не только позволяет уточнить положения общей теории перевода о межъязыковой эквивалентности, но и продемонстрировать продуктивность использованных в работе методов и приемов исследований. Принятая методика дает возможность рассматривать аналогичным образом самые разнообразные архифреймы человеческой культуры (портрет, костюм, жилище и т.д.). [28, с.82]

Можно также сделать вывод, что текстовые фрагменты, заключающие в себе тот или иной фрейм, составляют ту единицу перевода, которая обладает двумя необходимыми свойствами: контекстуальной обусловленностью и пространственной обозримостью.

1.3. Функционально-прагматические аспекты ситуативных реалий

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна. Следует различать потенциально достижимую эквивалентность перевода ситуативных реалий, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность - реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной.

Различия в системах исходного языка (далее - ИЯ) и переводного языка (ПЯ) и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной

степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла ситуативных реалий, содержащихся в оригинале. [4, с.33] В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межкультурную коммуникацию.

В описанных выше трех типах эквивалентности общность содержания оригинала и перевода ситуативных реалий заключалась в сохранении основных элементов содержания текста. Как единица речевой коммуникации текст всегда характеризуется коммуникативной функциональностью, ситуативной ориентированностью и избирательностью способа описания ситуации. [7, с.47] Эти признаки сохраняются и у минимальной единицы текста - высказывания. Иными словами, в содержании любого высказывания выражается какая-то цель коммуникации через описание какой-то ситуации, осуществляемое определенным способом (путем отбора некоторых признаков данной ситуации). В первом типе эквивалентности в переводе сохраняется только первая из указанных частей содержания оригинала (цель коммуникации), во втором типе - первая и вторая (цель коммуникации и описание ситуации), в третьем - все три части (цель коммуникации, описание ситуации и способ ее описания).

Выражение «часть содержания» не означает «часть высказывания» или «содержание части высказывания». Указанные части содержания не расположены в высказывании линейно, друг за другом, так чтобы в одной части высказывания содержалась бы цель коммуникации, а в другой - описание ситуации. Они выражаются всем составом высказывания, одна через другую, образуя как бы семантическую пирамиду: информация об отличительных признаках некоторой совокупности связанных между собою

объектов дает описание ситуации, а описание ситуации выполняет определенную функцию.

Наличие в содержании ситуативных реалий информации о цели коммуникации, ситуации и способе ее описания отражает специфику речевой коммуникации, ее неразрывную связь с целенаправленной деятельностью людей, формой отражения этой действительности в человеческом мышлении. Эта связь универсальна для речевого общения на всех языках, и ее универсальность во многом определяет возможность коммуникативного приравнивания разноязычных текстов. Хотя языковая избирательность препятствует сохранению в переводе способа описания ситуации или требует замены ситуации для передачи цели оригинала, существует принципиальная возможность в любом переводе обеспечить тождественность одной, двух или всех трех важнейших частей содержания оригинала. [9, с.35]

Функционально-ситуативные аспекты содержания ситуативных реалий не составляют всей содержащейся в нем информации. Содержание двух высказываний может быть различным, даже если они передают одну и ту же цель коммуникации, описывают одинаковую ситуацию с помощью одних и тех же общих понятий. Для полного тождества их содержания необходимо еще, чтобы полностью совпали составляющие их лексические единицы (слова) и синтаксические отношения между этими единицами. [6, с.25] Любое сообщение строится из языковых единиц, каждая из которых репрезентирует определенную информацию, имеет собственное значение. Содержание высказывания не существует помимо значений языковых единиц, из которых оно состоит, хотя оно часто полностью не сводится к простой сумме таких значений. Кроме того что языковые единицы в высказывании совместно выражают функционально-ситуативные аспекты его содержания, они вносят в это содержание и дополнительный смысл, который также входит в передаваемое сообщение. В различных условиях коммуникации на первый план могут выступать отдельные смысловые элементы высказываний, и тогда выбор того или иного слова или

синтаксической структуры приобретает важную роль в содержании всего сообщения. [3, с.40] Поскольку значения единиц разных языков полностью не совпадают, замещающие друг друга элементы оригинала и перевода, как правило, не тождественны по смыслу. Тем не менее, во многих случаях в переводе удастся воспроизвести значительную часть информации, содержащуюся в языковых средствах оригинала. В следующих двух типах эквивалентности смысловая общность оригинала и перевода включает не только сохранение цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания, но и максимально возможную близость значений соотнесенных синтаксических и лексических единиц. Здесь уже сохраняются сведения не только «для чего», «о чем» и «что» говорится в тексте оригинала, но отчасти и «как это говорится».

Различия между синонимичными структурами неоднородны. Это могут быть различия между значениями противопоставленных друг другу форм в пределах одной синтаксической категории или одного типа предложения: «Мальчик бросил камень» - «Камень был брошен мальчиком». That he went there was a mistake. - It was a mistake that he went there. Это могут быть и разнотипные структуры, объединенные общим смыслом, например, предложный оборот («При описании данной теории...»), деепричастный оборот («Описывая данную теорию...»), придаточное предложение («Когда описывается данная теория...») и пр.

Во всех подобных случаях содержание высказывания имеет значительную общность, отличаясь лишь дополнительной информацией, содержащейся в каждой отдельной структуре. Иногда эта информация может оказаться немаловажной для содержания высказывания, особенно когда она указывает на преимущественное использование данной структуры в определенной сфере общения, т.е. определяет ее стилистическую маркированность. Так, в русском языке использование страдательной конструкции с кратким причастием обычно характерно для книжной и деловой речи: «Он был рожден под знойным солнцем юга», «Она была

представлена к награде» и пр. Аналогичным образом, в английском языке к официально-деловому стилю относится бессоюзное придаточное предложение условия, например: Had a positive decision been taken at the General Assembly. Напротив, аналогичное бессоюзное предложение в русском языке употребляется, в основном, в разговорной речи: «Приди ты на часок раньше, все было бы в порядке».

В большинстве случаев замена одного члена синонимического ряда структур другим не влечет за собой существенного изменения общего содержания высказывания. Поэтому применение в переводе синонимичной структуры в рамках четвертого типа эквивалентности с достаточной полнотой сохраняет значение синтаксической структуры оригинала: 1) I told him what I thought of her. - Я сказал ему свое мнение о ней. 2) He was never tired of old songs. - Старые песни ему никогда не надоедали

Анализ описаний ситуаций оригинальных русских текстах и во английских переводах позволяет сделать следующие общие выводы об эквивалентности текстов и культурологической значимости переводов.

Выводы по первой главе:

Исследование теоретических основ существования и функционирования языковых и ситуативных реалий позволяет сделать следующие выводы:

1. К числу аутентичных элементов текста принадлежат реалии, ситуативные реалии и имена собственные в той их части. Существует следующая предметная классификация реалий, состоящая из 3 больших групп: географические реалии; этнографические реалии; административно-политические реалии.

2. Под межкультурной асимметрией понимают явление, когда за внешней похожестью предметов, их состояний и взаимосвязей скрываются глубинные культурные расхождения. Именно они нередко служат причиной неудач межъязыковой и межкультурной коммуникации и могут создать искаженную картину того или иного фрагмента чужой культуры. В основе этих искажений лежит неверная пресуппозиция о подобии, аналогии, описываемых фактов культуры. Такие явления скрытой, неявной, межкультурной асимметрии на уровне описываемой ситуации называют ситуативными реалиями.

3. Фрейм является теоретической моделью ситуации, предполагающей использование соответствующих языковых средств для ее описания. Фреймы относят к единицам познания, которые соотносятся с высказываниями, связанные с предметной ситуацией и культурными традициями.

4. Ситуативные реалии в переводе передаются комплексным использованием самых разнообразных переводческих приемов, среди которых наиболее часто используются такие, как конкретизация и генерализация понятий, калькирование и адаптация.

5. При обозначении предметных ситуаций, имеющих национально-культурную специфику, переводчик нередко использует более конкретные обозначения, чем в языке оригинала. Это в некоторой степени уточняет общую типологическую картину соотношения английского и русского

языков, в которой английский язык всегда представляется более абстрактным, обобщающим, чем русский.

6. Конкретизация является распространенным переводческим приемом, достаточно широко используемым в случаях описаний ситуативных реалий, относящихся к данному фрейму, независимо от общих типологических расхождений, сравниваемых языков. Также одним из распространенных приемов передачи элементов ситуативных реалий оказывается генерализация. Генерализация не только представляет ситуативную реалию в более обобщенном виде, но иногда и в искаженном виде.

7. Искажения информации об иной культуре происходят в результате того, что в переводном произведении в большинстве случаев явление, обладающее культурной спецификой, адаптируется переводчиком под собственную культуру. Адаптация культурологически значимого факта происходит либо сознательно, когда переводчик в силу асимметрии языковых картин мира вынужден заменять обозначение на сходное, но не идентичное, либо бессознательно, когда переводчик не ощущает национально-культурной специфики того или иного явления, в силу того, что данная языковая единица имеет общечеловеческую структуру и представляется поэтому свободно перемещающимся из культуры в культуру.

ГЛАВА 2. ТРУДНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СИТУАТИВНЫХ РЕАЛИЙ

2.1. Фреймовая модель анализа и передачи ситуативных реалий в переводе

Факты, свидетельствующие о различном членении реальности в сетке семантических категорий каждого языка, неоднократно были предметом научного исследования. Языковая избирательность – это явление, заключающееся в наличии у каждого языка предпочтительных способов как отражения предметов, обозначения процессов, так и описания ситуаций действительности. При назывании предмета происходит поворачивание его разными сторонами, человек видит эти стороны, но не все в одинаковой степени отчетливо. То же самое происходит и при описании одной и той же ситуации разными языками: в каждом языке ситуация «поворачивается» разными сторонами, причем у каждого языка могут быть предпочтительные «стороны» для представления этой ситуации. [8, с.87]

Несмотря на то, что в каждом языке имеются свои специфические особенности, которые проявляются в способах описания ситуаций действительности, любая ситуация может быть описана на любом языке, так же, как и любая мысль может быть выражена на любом языке. Различные «картины мира» свидетельствуют лишь об избирательном характере способов описания реальной действительности в каждом отдельном языке. Языковая избирательность ведет к различиям в способах организации информации. Проявление языковой избирательности следует рассматривать не только в семантике языковых единиц, но и в смысловой структуре единиц речевой коммуникации. Важной задачей является изучение этого феномена в рамках минимальной единицы речи – **высказывания**. Для этого существенно понимание высказывания как сложного знака. В высказывании проявляются все свойства структуры и функционирования языка. Ситуация репрезентируется в высказывании через некоторый набор ее признаков,

которые называются и определенным образом организуются в содержании высказывания. Выбор и взаимное расположение таких признаков может определяться как намерением говорящего, так и языковым узусом.

Референтом высказывания является ситуация, которая представляет собой совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной реальности и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания.

Термин «ситуация» употребляется в современном языкознании и переводоведении далеко не однозначно. Можно выделить следующие толкования этого понятия:

- некоторая совокупность денотатов и отношений между ними. Денотатом может быть любой предмет мысли, включая телесные, феноменальные и конструктивные объекты [8, с. 84-87], объекты психической жизни и сознания человека, а также языковые факты и отношения;

- условия, в которых осуществляется речевой акт, «контекст ситуации», т.е. то, что в схеме речевой коммуникации называют «обстановкой»;

- дополнительная информация, которую несут в себе эти условия и которая позволяет, как уточнить значение используемых в речи знаков, так и использовать лишь часть знаков в высказывании («ситуативный контекст»);

- экстралингвистические знания участников коммуникации, «обращения их к действительности» [42, с. 13].

Итак, термину «ситуация» в лингвистике даются различные толкования, которые Я.И. Рецкер предлагает свести в общих чертах в две группы и условно обозначить как «речевая ситуация» или «ситуация общения» и «предметная ситуация» или «ситуация, описываемая в тексте», которые коррелируют с используемыми в переводоведении понятиями коммуникативной и предметной ситуации. [44, с. 26]

Коммуникативная ситуация определяется Л.К. Латышевым, со ссылкой на О. Каде, как ансамбль всех факторов за пределами текста,

существующих как в объективной реальности, так и в сознании участников коммуникации и влияющих как на порождение, так и на интерпретацию текста [30, с. 22].

Понятие «**ситуативная реальия**» (СР) связано с ситуацией как с отрезком действительности или псевдодействительности, которая описывается в соответствующем высказывании, сообщении. Как отмечает В.Н. Комиссаров, «ситуацией называется совокупность объектов и связей между объектами, описываемая в высказывании. Любой текст содержит информацию о чем-то, соотнесен с какой-то реальной или воображаемой ситуацией. Коммуникативная функция текста не может осуществляться иначе, как через посредство ситуативно-ориентированного сообщения» [26, с. 54].

В связи с данным пониманием ситуации в переводоведении возникло целое направление, именуемое **ситуативной теорией перевода**. Суть процесса перевода согласно данной теории состоит в том, что ситуация, извлекаемая из текста оригинала, описывается средствами языка перевода, что в результате и дает текст перевода. Соответственно, эквивалентность перевода основывается на тождестве СР, описываемых в оригинале и переводе. К данному направлению можно отнести ситуативную (денотативную) модель перевода и **теорию уровней эквивалентности**, которая определяется как «модель переводческой деятельности, основанная на предположении, что отношение эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями содержания текстов оригинала и перевода. Основой этой модели является выделение в содержании текста ряда последовательных уровней, отличающихся по характеру информации, передаваемой от Источника к Рецептору» [27, с. 62].

Теория уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова предполагает пять иерархически взаимосвязанных уровней: (1) уровень цели коммуникации; (2) уровень описания ситуации; (3) уровень способа описания ситуации; (4)

уровень структуры высказывания; (5) уровень лексико-семантического соответствия. [26, с.38]

Исходя из задач нашего исследования, нами был проведен сравнительно-сопоставительный анализ ряда переводных художественных текстов и их английских оригиналов с целью выявления и анализа расхождений в способах описания ситуативных реалий, а также случаев замены описываемой ситуации. Исследование проводилось с опорой на теорию уровней эквивалентности и теорию фреймов.

В ходе анализа ситуативных реалий, описанных в оригинале и переводе, мы сочли возможным и достаточным рассматривать только первый, второй и третий уровни эквивалентности, на которых происходит передача функционально-ситуативного содержания оригинала. Уровни четвертый и пятый не принимаются нами во внимание в рамках этой работы, так как ситуативная эквивалентность на данных уровнях уже достигнута и смысловая близость между оригиналом и переводом основывается на передаче семантики языковых единиц и сохранении синтаксических структур ИТ. Рассмотрение синтаксической и семантической эквивалентности в задачи нашего исследования не входили.

На первых трех уровнях эквивалентности общность содержания оригинала и перевода заключается в сохранении основных элементов содержания текста. Как единица речевой коммуникации текст всегда характеризуется коммуникативной функциональностью, ситуативной ориентированностью и избирательностью способа описания ситуации. Эти признаки сохраняются и у минимальной единицы текста – высказывания. Как пишет В.Н. Комиссаров, в содержании любого высказывания выражается какая-то цель коммуникации через указание на какую-то ситуацию, осуществляемое через ее описание определенным способом (путем отбора некоторых признаков данной ситуации) [26, с. 67].

На первом уровне эквивалентности в переводе сохраняется только первая из указанных частей содержания оригинала, а именно цель

коммуникации, на втором – первая и вторая, цель коммуникация и указание на ситуацию, а в третьем все три части, цель коммуникации, указание на ситуацию и способ ее описания.

Можно выделить несколько подходов к анализу ситуативных реалий:

1. Проблема вариативности описания ситуации в ИЯ и ПЯ рассматривается с точки зрения языковой избирательности в смысловой структуре высказывания. В данном случае описание семантической структуры высказывания проводится с помощью семантических параметров.

2. Вариативность описания ситуации заключается в самой описываемой ситуации. Огромную роль при этом играет типичность или нетипичность ситуации для языка, то есть то, имеются ли в языке характерные сообщения для ее описания или нет.

3. Анализ вариативности описания ситуативных реалий с помощью положений когнитивной лингвистики, а именно теории фреймов. Данный подход исходит из предположения о том, что в основе структурирования информации в высказывании лежит **фрейм**, под которым понимается «структура данных для представления стереотипной ситуации, основа организации (структурирования) знания в высказывании» [38, с. 32].

В.И. Хайруллин распространил данное понятие на уровень высказывания [59, с.12], основываясь на материале двух языков, один из которых служит исходным (английский язык), а другой – переводящим (русский язык) языком.

Существует точка зрения, согласно которой знание не передается, а только возбуждается [37, с.46], то есть передаваемая в высказывании информация о мире активирует в сознании воспринимающего определенный фрейм или уже знакомый ему сценарий, накладываясь на который, воспринимается новая информация. В.И. Хайруллин полагает, что имеются фреймы, лежащие в основе ряда высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию. Такие высказывания даже в рамках одного языка обнаруживают определенную общность между собой. При сопоставлении материала двух

языков можно наблюдать, что содержание сопоставляемых текстов также обнаруживает достаточную общность, именуемую эквивалентностью [48, с. 51]. Одним из источников эквивалентности разноязычных высказываний, по мнению автора, является «общность знаний или особым образом организованное знание, которое составляет необходимое условие нашей способности к пониманию соотнесенных в процессе перевода высказываний, то есть фрейм» [59, с. 7].

С каждым фреймом ассоциируется информация разных видов, в том числе культурологического плана. В своей работе В.И. Хайруллин исходит из такого подхода, согласно которому тот или иной терминал фрейма, заполненный указанием какого-либо признака (слово или словосочетание) представляет определенный фрейм в целом и может называться его активацией, хотя остальные компоненты этого фрейма при этом не указываются. В ряде случаев, как в англоязычной, так и в русскоязычной когнитивной системе активируются одни и те же фреймы, например гастрономический фрейм, фрейм описания материального объекта, что и дает основу для сопоставления фреймов оригинала и перевода. Но их терминалы в разных когнитивных структурах могут иметь разные «заполнители».

Среди всего многообразия ситуативных реалий, описанных в тексте, своей специфичностью выделяются ситуации с ярко выраженной национально-культурной маркированностью. При описании ситуаций такого вида, содержащих информацию об особых элементах культуры (реалиях), активируется культуральный фрейм. Предметные ситуации, не обладающие ярко выраженной национально-культурной спецификой, мы рассматривали как предметные ситуации с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом.

Таким образом, мы сделали предположение о том, что все ситуативные реалии, описанные в тексте, можно также разделить на две группы, а именно ситуативные реалии в которых непосредственно, в большинстве случаев,

доминирует **когнитивно-семантический** или **лингвокультурологический** аспект.

Исходя из того, что все многообразие высказываний о действительности может быть схематично сведено к высказываниям, представляющим одну (или несколько) из «универсальных категорий», а именно описание материального объекта (лица), пространства, времени, действия, а также ситуативные реалии в которых доминирует **когнитивно-семантический аспект**, предлагается классифицировать на основе указанных выше категорий.

Ситуации с доминирующим **лингвокультурологическим аспектом** анализируются нами на основе того, к какому типу предметной ситуации, согласно классификации В.И. Хайруллина, относится реалия, присутствующая в высказывании. Здесь можно выделить следующие группы:

- Ситуативные реалии, описывающие материальный объект, пространство и время;
- Ситуативные реалии, связанные с некоторыми общественными институтами и предметными областями (институтов образования, права);
- Ситуативные реалии, описывающие специфические черты повседневной жизни (жилище, предметы обихода, продукты питания, обыденные ситуации, спорт).

Некоторые группы признаков, рассматриваемые здесь, соотносимы с категориями, о которых мы упоминали при анализе ситуаций с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом (например, описание материального объекта, пространства и времени). Но в данном случае мы рассматриваем не когнитивно-семантические особенности представления этих признаков, а явления, которые связаны с фоновыми знаниями, имеющими непосредственно культуральный характер.

Распределение отобранного для анализа материала на три группы в зависимости от уровня эквивалентности, достигнутого при переводе, позволило нам проанализировать:

1) причины замены ситуации в переводе (первый уровень эквивалентности);

2) причины изменения способа описания ситуации в переводе (второй уровень эквивалентности);

3) причины сохранения способа описания ситуации в переводе при отсутствии параллелизма лексического состава и синтаксических структур (третий уровень эквивалентности).

В ходе анализа высказываний, отобранных нами **в первую группу**, т.е. оригиналов и их переводов, выполненных на **1 уровне эквивалентности**, мы пришли к выводу, что они представляют собой образно-метафорические высказывания или фразеологические единицы (ФЕ). Целью коммуникации при передаче образно-метафорических высказываний является передача эмотивно-оценочной или стилистической функции оригинала.

Я.И. Рецкер выделяет четыре способа передачи ФЕ: с полным сохранением иноязычного образа; с частичным изменением образности; с полной заменой образности; со снятием образности [44, с. 161-162].

Первым способом передаются ФЕ самой различной структуры, но имеющие интернациональный характер: застывшие метафоры и перифразы, пословицы и поговорки, крылатые выражения. В данном случае актуальное и буквальное значение ФЕ оригинала и перевода будут полностью совпадать.

При втором способе образная основа сохраняется, но с определенными изменениями лексического и/или грамматического характера. При этих способах передачи, актуальное и буквальное значение фразеологических единиц оригинала и перевода будет частично совпадать.

При передаче ФЕ третьим способом происходит полная замена образа, что, по мнению Я.И. Рецкера, может быть связано с сохранением экспрессивной окраски, «что чаще важнее, чем передача функционально-стилистической принадлежности фразеологизма» [44, с. 163]. Перевод ФЕ со снятием образности связан с потерей выразительности, передачей

фразеологического значения с помощью описательного перевода, то есть с помощью свободного сочетания слов.

Фреймовая структура образных фразеологизмов является сложным образованием, поскольку в ней присутствуют как участки, связанные с актуальным значением ФЕ, так и участки, связанные с буквальным значением ее компонентов. Буквальное значение компонентов фразеологизма (СР описанная высказыванием) активирует в сознании рецептора определенный фрейм, который, в свою очередь, имеет связь на уровне общих терминалов с фреймом, который соотносится с актуальным значением этой ФЕ. То есть, во фреймовой структуре ФЕ можно выделить два типа фреймов, которые активируются в когнитивной системе рецептора и которые связаны между собой: фрейм буквального значения (предметной ситуации) ФЕ и фрейм актуального значения (образа) ФЕ.

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ высказываний на ИЯ и ПЯ, отобранных нами в первую группу, мы выделили два способа передачи фразеологических единиц, при которых происходит замена описываемой ситуации (согласно классификации Я.И. Рецкера):

- 1) с полной заменой образа,
- 2) со снятием образности.

1. На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа можно сделать вывод о том, что при **переводе ФЕ с полной заменой образности**, эквивалентность между ФЕ оригинала и ФЕ перевода устанавливается на уровне фреймов актуального значения.

In fact it confirmed them in their suspicions that he would never set the Thames on fire. [71, p. 73]

В данном примере ситуативная реалья, описанная данной ФЕ, активирует в когнитивной системе англоязычного рецептора фрейм, связанный с буквальным значением данной ФЕ, который в свою очередь имеет общие терминалы с фреймом, связанным с актуальным значением данной ФЕ, и активирует его.

Наоборот, она подтвердила их подозрение, что он звезд с неба не хватает.

У рецептора перевода описание той же ситуативной реальности вызовет активацию фрейма, связанного только с буквальным значением данного высказывания («поджечь Темзу»), что не приведет к дальнейшей активации фрейма, связанного с актуальным значением, в виду его отсутствия в когнитивной системе русскоязычного рецептора. Переводчик в данном случае вынужден подобрать в ПЯ ФЕ, которая бы активировала в когнитивной системе рецептора перевода фрейм, связанный с актуальным значением «сделать что-то необычное, из ряда вон выходящее». Данное актуальное значение в русском языке имеет ФЕ, описывающая отличную от оригинала ситуативная реальность - «хватать с неба звезды».

2. При передаче ФЕ со снятием образности, эквивалентность между высказыванием на ИЯ и ПЯ устанавливается при соответствии актуального значения ФЕ оригинала и буквального значения высказывания на языке перевода.

And after all the proof of the pudding is in the eating: The Eye of the Needle sold thirty-five thousand in England and eighty thousand in America, and for the serial rights of my next book I've got the biggest terms I've ever had yet. [72,с. 178]

Ну и, в конце концов, все проверяется на практике: в Англии было продано тридцать пять тысяч экземпляров «Игольного ушка», а в Америке – восемьдесят тысяч, и за право печатать мою следующую вещь предлагают столько, сколько мне никогда еще не платили.

В данном примере ситуативная реальность «смысл приготовления пудинга в том, чтобы его съесть», описанная высказыванием оригинала, вызывает активацию соответствующего фрейма в сознании рецептора оригинала, который, в свою очередь, активирует фрейм, связанный с актуальным значением данной ФЕ о том, что ценность чего-либо может быть понята только с помощью практического применения.

Так как описание этой ситуативной реалии у рецептора перевода не вызовет активации фрейма, связанного с актуальным значением данной ФЕ, и вследствие отсутствия в русском языке ФЕ с соответствующим актуальным значением, переводчик передает это актуальное значение буквально, с помощью свободного сочетания слов.

Итак причиной замены описываемой ситуации является тот факт, что ситуативная реалья, описанная в оригинале, не вызывает у рецептора перевода активации фреймовой структуры, которая активируется у рецептора оригинала. Следовательно, переводчик вынужден заменить ситуативную реалию, описанную в оригинале, ситуацией, активирующей в когнитивной системе рецептора перевода подобную фреймовую структуру.

Вторую группу примеров составили отрезки текстов оригинала и перевода, в которых, при сохранении указания на одну и ту же ситуативную реалию, способ описания не совпадает, переводы выполнены на **втором уровне эквивалентности**.

1. Ситуативные реалии с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом.

В англоязычной когнитивной системе знание о материальном объекте обычно структурируется «партитивно» (корпорально-партитивный фрейм), то есть материальный объект описывается по частям. В русской когнитивной системе описание материального объекта отмечено целостностью. Корпорально-партитивный фрейм используется в английском языке при описании действия, выполняемого человеком с помощью частей тела. В русском языке на первый план выдвигается само действие, в данном случае в русскоязычной когнитивной системе активируется фрейм другого типа.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>корпорально-партитивный с действенной направленностью:</p> <p><i>When they did use their tongues again, they used them innocently, in the most unfortunate manner and to the worst possible purpose [67, p. 75]</i></p>	<p>действенный:</p> <p><i>А когда кто-нибудь заговаривал, то всегда как-то некстати.</i></p>

В переводе это ведет к использованию таких переводческих трансформаций как целостное преобразование и смысловое развитие.

Один из видов взаимоотношений материальных объектов представлен в категории пространства. В отобранном материале среди переводов, выполненных на втором уровне эквивалентности, не было обнаружено высказываний, описывающих категорию пространства. Это можно объяснить тем, что категория пространства налагает фиксированную структуру практически на каждую пространственную ситуацию. Ситуация не может быть представлена произвольно, то есть так, как того хочет говорящий. В структуре высказывания, описывающего пространство, выделяется какой-либо признак ситуации и «помещается» в фокус описания. И пространственная расположенность этого признака определяется каким-либо другим признаком, обнаруживаемым в этой же самой ситуации. При передаче в переводе ситуативной реалии, описывающей пространство, важно сохранение подобных признаков, что и влечет за собой сохранение способа описания данной ситуативной реалии. Следовательно, эквивалентность между высказываниями ИЯ и ПЯ при описании пространства будет устанавливаться, как правило, на третьем уровне эквивалентности.

При анализе способов структурирования знания о времени, прежде всего, обращает на себя внимание более определенное сегментирование временного континуума характерное для англоязычной когнитивной системы

(темпорально-прецизионный фрейм), тогда как в русскоязычной когнитивной системе наблюдается большая свобода в отношении признаков времени (аппроксимальный фрейм).

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>темпорально-прецизионный:</p> <p><i>And the successful books are but the successes of a season.</i> [73, p. 11]</p>	<p>аппроксимальный:</p> <p><i>А если ей даже сужден успех, то ведь ненадолго.</i></p>

В переводе это приводит к использованию таких переводческих трансформаций, как антонимический перевод и смысловое развитие.

Рассмотрение способов структурирования знания о действии дало возможность установить, что в английских высказываниях часто подчеркивается зависимость выполняемого действия от воли или желания объекта (акционально-волевой фрейм). В русском языке такой отнесенности не наблюдается.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>акционально-волевой:</p> <p><i>We set it in the sun, and then shut the light out of the room, and it shone awfully out of the depths of its own rightness, with a moony gleam, in the dark.</i> [67, p. 87]</p>	<p>акциональный:</p> <p><i>Сначала он [алмаз] лежал на солнце; потом мы затворили ставни, и он засиял в темноте своим собственным лунным блеском.</i></p>

В английских высказываниях действует акционально-результативный фрейм, представляющий действие в виде результата, как бы получаемого при выполнении действия, в русском варианте на первом плане представлено действие (акциональный фрейм), то есть русскоязычный реципиент является свидетелем действия, а не получателем результата.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
акционально-результативный: <i>The air was grey with tobacco smoke.</i> [72, p. 107]	акциональный: <i>В воздухе стояли клубы табачного дыма.</i>

При переводе высказываний, описывающих категорию действия, используются следующие переводческие трансформации: целостное преобразование, смысловое развитие и антонимический перевод.

Исходя из того, что способ описания того или иного типа ситуативной реальности активирует в когнитивной системе англоязычного рецептора тип фрейма, который является нехарактерным для когнитивной системы русскоязычного рецептора, при описании этого типа ситуации переводчик вынужден изменять способ описания данной ситуативной реальности. Замена способа описания ситуативной реальности при переводе может сопровождаться следующими трансформациями: целостным преобразованием, смысловым развитием и антонимическим переводом.

2. Предметные ситуации с доминирующим лингвокультурологическим аспектом.

При описании различных ситуативных реальностей с доминирующим лингвокультурологическим аспектом в англоязычной когнитивной системе

активируется культурно-фондовый фрейм, который связан с наличием в составе высказывания культурно-маркированного элемента.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>культурально-фондовый:</p> <p><i>We went in through an open window.</i></p> <p>[74, p. 226]</p>	<p>уточняющий:</p> <p><i>Мы вошли через открытую стеклянную дверь.</i></p>

В приведенном примере таким маркером служит открытое окно, через которое вошли герои данного произведения. Речь идет о «французском» окне, которое и представляет собой стеклянную дверь. Переводчик решил использовать описательный перевод при передаче данной реалии для того, чтобы избежать неверных ассоциаций у рецептора перевода. Причиной использования такой переводческой трансформации может служить тот факт, что описание культурно-маркированной ситуации, активирует в сознании рецептора оригинала культурно-фондовый фрейм, в то время как у рецептора перевода при описании этой ситуации активирование данного фрейма не происходит, в силу отсутствия соответствующей информации в его фоновых знаниях.

В третью группу мы отобрали примеры переводов, соответствующих **третьему уровню эквивалентности**, в которых происходит сохранение способа описания ситуативной реалии оригинала, но отсутствует параллелизм лексического состава и синтаксических структур между высказываниями на ИЯ и ПЯ. Причиной сохранения способа описания ситуации при переводе является тот факт, что в когнитивных системах рецептора оригинала и перевода происходит активация различных подтипов фреймов в рамках одного типа фрейма.

1. Ситуативные реалии с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом.

Как было указано ранее, в англоязычной когнитивной системе знание о материальном объекте обычно структурируется «партитивно», в русской когнитивной системе описание материального объекта отмечено целостностью. Анализ показал, что подтипы фреймов, активированные при описании данной категории, принадлежат к корпоральному типу фреймов.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>корпорально-партитивный: <i>...knocked vainly for admittance, till my knuckles tingled, and the dogs howled.</i> [66, p. 46]</p>	<p>корпорально-интегративный: <i>...тицетно стучал в дверь пока мне не свело пальцы и собаки не подняли вой.</i></p>

В переводе, выполненном на третьем уровне, это ведет к использованию таких переводческих трансформаций как генерализация и конкретизация.

Анализ высказываний на ИЯ и ПЯ, описывающих категорию пространства₂ показал, что в англоязычной и русскоязычной когнитивной системе знание о данной категории структурируется различно. Описание пространства активирует в англоязычной и русскоязычной когнитивной системе различные подтипы пространственного фрейма, но явных закономерностей мы не установили. В ряде случаев отмечалась нерелевантность пространственной расположенности материальных объектов для русскоязычных рецепторов.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>пространственно-арриерный:</p> <p><i>So that the host and the hostess should sit at the head and foot of the table...</i> [70, p.59]</p>	<p>пространственно-смежный:</p> <p><i>Чтобы хозяин и хозяйка могли сидеть напротив друг друга, ...</i></p>

При переводе высказываний, описывающих данную категорию, могут использоваться два вида лексических трансформаций: генерализация и конкретизация.

При анализе способов структурирования знания о времени, прежде всего, обращает на себя внимание меньшая определенность в трактовке времени, размытость временных границ, что характерно для русскоязычной когнитивной системы (темпорально-аппроксимальный фрейм), тогда как англоязычная когнитивная система характеризуется большей строгостью в отношении категории времени (темпорально-диминутивный фрейм).

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>темпорально-диминутивный:</p> <p><i>At the end of half an hour I presented myself, as directed, in my lady's room.</i> [68, p. 71]</p>	<p>темпорально-аппроксимальный:</p> <p><i>Через полчаса я явился, как мне было приказано, в комнату миледи.</i></p>

При описании данной категории в когнитивных системах рецептора оригинала и перевода активируются различные подтипы темпорального фрейма. В переводе данное различие в когнитивных системах находит свое

отражение в использовании такой переводческой трансформации, как генерализация.

Рассмотрение способов структурирования знания о действии дало возможность установить, что в англоязычной и русскоязычной когнитивной системе активируются различные подтипы акционального или акционально-реляционного типов фреймов, но закономерностей в случаях активации того или иного подтипа фрейма мы не выявили.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>акциональный:</p> <p><i>Mr. Earnshaw carved bountiful platefuls... [66, p. 85]</i></p>	<p>акционально-партитивный:</p> <p><i>Мистер Эрншо нарезал жаркое и накладывал всем полные тарелки...</i></p>

В переводе описание категории действия может сопровождаться двумя типами переводческих трансформаций: генерализацией и конкретизацией.

Описание ситуативной реалии с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом, содержащих в себе такие категории, как материальный объект, время и действие, активирует в когнитивных системах рецептора оригинала и перевода различные подтипы фреймов, принадлежащих к одному типу. При переводе таких высказываний, как правило, наблюдается использование двух типов трансформаций: генерализации и конкретизации.

2. Ситуативные реалии с доминирующим лингвокультурологическим аспектом.

При описании материального объекта в англоязычной когнитивной системе может активироваться количественно-измерительный фрейм, когда объекту дается точная измерительная характеристика. При

структурировании русского переводного высказывания этот фрейм скрадывается, так как для русскоязычного рецептора нет надобности уточнять размер или рост в инокультурных единицах.

Осознание человеком себя в координатах пространства и времени также может быть различным в английской и русской культурах. Маркерами, позволяющими человеку локализовать свою пространственную расположенность, характерными для английской культуры, являются географические названия, которые малоинформативны для русскокультурного реципиента, и в переводе на русский язык могут разъясняться (используется описательный перевод) или опускаться.

Рассмотрение описаний жилища, предметов обихода, обыденных ситуаций, ситуативных реалий, содержащих указание на коммерческие организации, также дает интересный культурологический материал. Некоторые признаки английской культуры могут опускаться при передаче на русский язык (например, Christie's, Robin Redbreast), что объясняется их коммуникативной нерелевантностью для «среднего» русского реципиента.

Англоязычная когнитивная система	Русскоязычная когнитивная система
<p>нарицательно-дифинирующий:</p> <p><i>It was a room of some size, very clean and white, with an Adam window.</i> [74, p. 86]</p>	<p>уточняющий:</p> <p><i>Это была комната солидных размеров, очень чистая и белая, с большим окном, украшенным роскошными лепными гирляндами.</i></p>

Культурно-маркированным элементом в данном примере является указание на окно, выполненное в стиле Адама. Данный стиль был назван в честь шотландского архитектора Роберта Адама. Культурно-прагматическая

адаптация при переводе данного высказывания, происходит в плане экспликации характерных черт данного стиля, что сопровождается активацией уточняющего фрейма в русскоязычной когнитивной системе. Значительно чаще культурно-прагматическая адаптация происходит в направлении выбора русскокультурных признаков, которые приблизительно соответствуют признакам английской культуры (muffins – «горячие булочки», A.V.C. shop – кафе-кондитерская).

Ситуативный контекст включает также «обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору (и переводчику) правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании». [26, с. 45] Иногда для описания ситуативного контекста используют лингвистические термины «фоновые знания» или «пресуппозиция». Нередко для точного понимания смысла предложений текста на ИЯ оказываются востребованными общие и специальные знания; например, для того чтобы правильно понять фразу *The table is on the wall* достаточно элементарных знаний о том, что такие предметы, как столы, не вешают на стены, следовательно, существительное *table* надо переводить как 'таблица'.

Важными являются и знания реалий повседневной жизни (имен собственных, географических названий, названий праздников и т.д.), например, *Park Lane* - это улица, *Piccadilly Circus* - площадь, а *Columbia Pictures* - кинокомпания. Необходимо отметить особую важность учета ситуативного контекста для перевода текстов различных жанров и функциональных стилей. Так, например, для перевода научно-технических текстов очень важны знания в данной области, для перевода деловых текстов - знания в области делопроизводства, законодательства и норм оформления текстов различных жанров, для перевода публицистических текстов требуются знания историко-культурного характера.

Приведем такой пример: «В одной из газетных статей член парламента С. Силвермен был охарактеризован как "the oldest abolitionist in the House of

Commons". Слово abolitionist два соответствия: 1) сторонник отмены, упразднения (закона и т.п.); 2) (амер. ист.) аболиционист, сторонник аболиционизма. Второе значение (сторонник аболиционизма, т.е. отмены рабства негров) здесь явно не подходит. Остается первое значение: очевидно, С. Силвермен является сторонником отмены какого-то закона... Поскольку в данном тексте нет никаких указаний относительно этого, то правильный перевод возможен лишь при знании реальной обстановки в политической жизни Англии 1963 г. (когда была написана данная статья). В тот период в парламенте и вне его оживленно дебатировался вопрос об отмене смертной казни. Стало быть, здесь abolitionist следует переводить как 'сторонник отмены смертной казни'. С другой стороны, если бы речь шла об Америке 20-х - начала 30-х годов этого столетия, тогда то же слово нужно было бы переводить как «сторонник отмены сухого закона». [5, с. 38]

Приведенные примеры убедительно доказывают важность работы не только с языком текста, но и с информацией, которая представлена в тексте, так как нередко знание ситуации может оказаться важным ключом для адекватного восприятия перевода. Особую трудность для перевода представляют тексты художественной литературы, и в особенности поэтические тексты, так как в данном случае ситуативный (экстралингвистический) контекст существенно расширяется и включает в себя прецедентные тексты иноязычной национальной культуры, ее артефакты, поведенческие сценарии и другие элементы картины мира. Именно эти знания помогают понимать символы, каламбуры и аллюзии и прочее неявное, скрытое, заложенное автором в текст.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст противопоставлен лингвистическому контексту, который неразрывно связан с лингвистическим окружением единицы перевода, в котором она реализует свое значение. Понятие «ситуативный (экстралингвистический) контекст» находится в определенных отношениях частичного включения и пересечения с понятиями «вертикальный контекст» и «макроконтекст», или «широкий

контекст». Термин «макроконтекст» определяет более широкое окружение единицы перевода, на уровне абзаца или текста в целом, в котором отчасти представляется та ситуативная информация, которая необходима для точного понимания слова.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ высказываний, описывающих ситуативные реалии с доминирующим лингвокультурологическим аспектом, подтвердил тот факт, что упоминание реалий исходной культуры активирует в сознании рецепторов перевода и оригинала различные типы фреймов. Культурально-маркированные элементы оригинала передаются в переводе, выполненном на третьем уровне эквивалентности, с помощью описательного перевода, или путем замены реалии исходной культуры реалией, близкой рецептору перевода, либо реалия исходной культуры может опускаться.

2.2. Трудности и приемы перевода ситуативных реалий (на материале художественной литературы)

Согласно работы Е.В. Бреуса, лингвистический аспект не решает проблемы культурноспецифического, он – лишь один из составляющих перевода, успех которого связан с экспликацией и преодолением межкультурных различий. В ещё большей степени это стало очевидным, когда коннотативные реалии были дополнены *ситуативными*, к которым принадлежат поведенческие, параязыковые, кинетические и проксемические модели функционирования, представляющие собой норму и рассматриваемые как естественные в рамках определённой культуры [8, с. 136].

Для иллюстрации характера трудностей, связанных с переводом ситуативных реалий, основанных на расхождении культурного опыта представителей разных сообществ, мы выбрали несколько текстовых отрывков из романа Дж. Гришема «Камера» - *John Grisham «The Chamber»*, в

которых, на наш взгляд, опубликованный вариант перевода реалий вступает в противоречие со смысловой структурой подлинника. Например, *The door opened quickly and Retired Colonel George Nugent marched into the room, pausing only slightly to close the door, and moved officially toward Lucus Mann, who did not stand but shook hands anyway. «Mr. Mann». Nugent greeted him crisply, then stepped forward and shook hand across the desk with Naifeh* [69, p.62].- *Дверь резко распахнулась, и отставной полковник Джордж Ньюджент чуть ли не строевым шагом вошёл в комнату, задержавшись на мгновение, чтобы закрыть дверь, и подошёл к Лукасу Манну. Тот не вставая протянул руку и представился: - Мистер Манн. Ньюджент энергично пожал руку Лукасу, затем сделал ещё шаг и пожал через стол руку Нейфи (Пер. наш).*

В английском варианте реплика «Mr. Mann» оставлена без ссылки на авторство, однако описываемая ситуация и знание правил общения в конкретном лингвокультурном сообществе, однозначно приписывают её полковнику Ньюдженту, и вся сцена представляет собой рутинное описание приветствия, когда, пожимая руку, вошедший называет имя того, с кем здоровается. Так как в русском официальном этикете приветствия такая традиция отсутствует, переводчик ошибочно вкладывает реплику в уста Лукаса Манна, конкретизирует ситуацию, вводя в неё глагол «представился», дополняет её графическими средствами цитации, и в результате обычная ситуация приветствия превращается в сцену знакомства, искажая повествование.

Когда речь идет об отражении в тексте особенностей поведения, обычаев, привычек народа, говорящего на данном языке, которые не сводятся к употреблению отдельного слова, а воздействуют на специфику предметного содержания текста, т. е. когда лингвоэтническая специфика заключена в ситуации, мы вслед за С. Влаховым и С. Флориным будем говорить о ситуативных реалиях.

Маркеры стратификационной и ситуативной вариативности, охватывают необычайно широкий диапазон переводческих приемов. Здесь наряду с традиционными приемами перевода, применяемыми при передаче смыслового содержания текста (такими, как субституция, гиперонимическая и интергипонимическая трансформации и др.), используются и приемы, характерные для передачи прагматических аспектов текста, например: замена реалии или аллюзии ее аналогом, уточняющее дополнение, поясняющий (интерпретирующий) перевод, раскрывающий неясные для конечного получателя пресуппозиции и импликации, переводческое примечание и различные виды компенсирующего перевода (в том числе межуровневого, например заменяющего фонетические маркеры стратификационной и ситуативной вариативности лексическими, лексические — синтаксическими и лексико-морфологические — стилистическими).

Согласно приведенным в качестве иллюстрации примеры, подтверждают сформулированное выше положение о том, что прагматическая установка на иноязычного и инокультурного получателя нередко требует трансформаций, модифицирующих смысловое содержание текста.

Незнание ситуативных реалий искажает восприятие текста, как это произошло с пьесой Чехова "Чайка", когда ее ставили на английской сцене (пример С. Влахова и С. Флорина). М. Шагинян, описывая постановку, с горечью обращается к режиссеру: "Зачем же, господин Майл Мэкован, позволяете Вы кипарисам расти в русском поместье, а длинному английскому огурцу очутиться в руках у русской барыни! Актриса держит его, как мы держим банан, а потом вдруг — по-английски — отрезает от него кусочек, держа его все еще в руках, и кладет этот кусочек себе в рот... Ничтожная деталь... ведь нет же таких огурцов у нас и не отрезаем мы от них кусочки таким воздушным способом!". Режиссера упрекают именно в искажениях при передаче ситуативных реалий.

В английском фильме "Евгений Онегин" (1999 г., реж. Марти Файнс), снятом по одноименному роману А. С. Пушкина, в одной из сцен героини

Татьяна и Ольга, стоя у рояля, поют песню "Ой, цветет калина... " Анахроничность использованной режиссером ситуативной реалии очевидна: действие относится к началу XIX в., а песня написана известным советским композитором в середине XX в. Чаще всего ситуативные реалии встречаются в публицистике и в художественном тексте. Окрашивают они также и многие тексты СМИ. В связи с этим целый ряд текстов современной русской рекламы (например, телереклама банка "Империал" с сюжетом о Суворове и Екатерине II с текстом: "Звезду Александру Васильевичу!") вызвал бы серьезные трудности при переводе.

С минимальным объемом текста, отражающего лингвоэтническую специфику, мы сталкиваемся при передаче клишированных перифразов, очень популярных в газетной публицистике: "Город на Неве" (Петербург), "Город на Волхове" (Новгород), "златоглавая столица" (Москва), Северная Пальмира (Петербург); *Donaumetropole* (букв.: метрополия на Дунае-Вена). Ситуативные реалии, отражающие обычаи и привычки народа, обычно переданы с помощью более объемного отрезка текста. Вот несколько наверняка известных любому русскому читателю русских ситуативных реалий:

А. "Маша! Посмотри, ты сидишь между двух Саш. Быстро загадывай желание! " — только русскому понятно, что речь идет об обиходном поверье.

Б. "Сундукова! — закричали из канцелярии. — Вам письмо. Пляшите!". Для любого иностранца последнее требование покажется абсурдным, но отразить его необходимо, это всем известный русский обычай.

В. "И загрустил оболваненный под ноль и с метлою в руках хулиган". — Никакому иностранцу, за исключением опытного переводчика, не придет в голову, что речь идет о человеке, посаженном на 10 суток за хулиганство. К народным обычаям, которые могут встретиться в тексте в виде ситуативных реалий, относятся и приметы, и правила народной этики:

нос чешется — выпить пора; уши горят — кто-то судачит о тебе; вернуться, забыв что-либо, — дурная примета; разговаривать через порог неприлично;

сидеть в комнате в шляпе — неприлично (рус); войти в дом в обуви неприлично (восточн.); войти в дом, сняв обувь, неприлично (англ.).

Последние два примера показывают, что в подобные правила, обычаи народы могут вкладывать разный смысл, они могут по-разному оцениваться с точки зрения этики и содержания. Поэтому, помимо обязательной передачи ситуативной реалии на основе полных знаний о ней, она должна быть прокомментирована. Возможен краткий комментарий внутри текста, если текст публицистический и одной из его целей является ознакомление читателя со спецификой жизни народа, страны. В художественном тексте возможен лишь внетекстовый комментарий (примечание). [25, с.31]

В создании ситуативных реалий иногда участвует такой внеязыковой элемент, как язык жестов. У разных народов один и тот же жест может обладать неодинаковым, а подчас и противоположным значением, что является характерным признаком ситуативной реалии. Разными жестами оформляется ситуация приветствия у разных народов: англичане здороваются кивком головы, испанцы и латиноамериканцы похлопывают друг друга по спине, французы целуются, японцы кланяются, русские жмут друг другу руку. Так же по-разному может выражаться и одобрение: русские могут выражать его аплодисментами, американцы — свистом и топотом, европейское студенчество благодарит профессора за лекцию стуком крышек и кулаков по столу

Попадая в текст, такой внеязыковой компонент воздействует на предметную ситуацию, которая понятна переводчику (если он знаком с реалией) и непонятна или может быть ложно понята читателем, следовательно, должна быть прокомментирована:

"Во парень! — прошептала Сонечка, показывая большой палец". — Для русского большой палец, поднятый вверх, есть знак одобрения, а в Европе поднимают большой палец, когда хотят остановить машину с просьбой подвезти; в тексте, описывающем жизнь в Древнем Риме, поднятый большой палец мог означать то, что гладиатора после выступления на сцене в Колизее

ХОТЯТ ОСТАВИТЬ В ЖИВЫХ.

Несмотря на свою экзотичность, ситуативные реалии в тексте не составляют собственно переводческой проблемы и не нуждаются в специальных средствах передачи (таких, как транскрипция при передаче экзотизмов), и задача заключается только в их полноценном распознавании. Несколько сложнее дело обстоит, если ситуативная реалья опирается на некий экзотизм, в тексте не упомянутый. В армянской сказке злая жена "взобралась на крышу, скрестила руки, дожидается супруга". При восприятии европейским читателем может возникнуть недоумение, поскольку из контекста не ясно, что речь идет о плоской земляной крыше восточного дома в горах Армении.

Так же непонятно, например, в русских сказках лежание на печи, поскольку ни на немецкой, ни на голландской печи лежать нельзя — не говоря уже об английском камине. По-видимому, наименование или краткое описание экзотизма здесь следует вводить в текст, так как ложное восприятие может вызвать комический эффект, т. е. реализовать в тексте перевода эстетическую информацию, которая в подлиннике не заложена.

В редчайших случаях, однако, специфика ситуативной реалии даже при полноценном комментировании не позволяет осуществить эквивалентный перевод. Речь идет обычно о представлениях народов, связанных с глобальными особенностями в их мировосприятии, которые воздействуют на систему и иерархию основных ценностей.

Так, возникают непреодолимые сложности при переводе сонетов Шекспира на арабский язык. В сонетах Шекспира мы находим европейский тип понимания жизненных ценностей и соответствующую символику и эстетические идеалы: летний день у Шекспира ассоциируется с понятием красоты, поскольку это — свет, тепло, солнце, дающее жизнь, сама жизнь (днем все живет, ночью спит), движение, деятельность, труд. Ночь в европейском понимании — метафора смерти, черный цвет — символ смерти, ночь — это сон, бездеятельность, холод. В восточной иерархии ценностей

все наоборот. Летний день — это жара, ослепительный свет, отсутствие воды, убийственное солнце, смерть, грязь и пыль, необходимость трудиться. Зато_ночь — прохлада, покой, чувственные удовольствия, отсутствие ненавистного труда — на Востоке ночь ассоциируется с понятием красоты (не случайно название сборника арабских сказок: "Тысяча и одна ночь"). Поскольку особенности мировосприятия связаны в этом случае с эстетическими идеалами, с представлением о прекрасном, а в поэтическом тексте эстетическая информация входит в инвариант содержания, она вполне может быть передана, но не будет воспринята. Ведь то, что прекрасно для европейца, отвратительно для восточного человека. Таким образом, тексты сонетов Шекспира на арабском языке могут быть для арабского читателя лишь источником когнитивной и эмоциональной информации, но эстетическая будет заблокирована.

Как мы знаем, непереводаемыми, т. е. не имеющими лексического соответствия, считаются: фрагменты текста, содержащие так называемые ситуативные реалии; концепты, отражающие свойственное данной культуре членение действительности; экзотизмы (куда в широком смысле относятся и реалии-меры, и реалии-деньги, и имена собственные, и междометия, и некоторые отклонения от литературной нормы языка, например диалектизмы и др.). Но, как уже отмечалось в предшествующих главах, отсутствие лексического соответствия не означает невозможности передать информацию: она просто передается другими способами, прежде всего с помощью межъязыковой транскрипции, описательного перевода, внутренних и внешних комментариев. Другое дело, что такие способы передачи либо требуют поддержки окружающим контекстом (транскрипция), либо приводят к расширению объема самого текста и добавлению доли информации какого-либо типа, чаще всего когнитивной. Так, пояснения и примечания, как правило, оформляются с помощью средств, характерных именно для этого типа информации.

Будучи элементами традиционного поведения определенного народа, отражающими его национальные черты, такие ситуативные реалии должны найти свое отражение и в переводе: если опустить и/или исказить и/или не разъяснить их, то читатель не сможет получить верного представления о произведении или истолкует его для себя, в своем национальном ключе.

Несмотря на яркий национальный, а иногда и временной колорит, ситуативные реалии, в отличие от лексических, сравнительно легче поддаются переводу, так как их передача не связана с необходимостью сохранять какую-нибудь форму. Трудность заключается, во-первых, в их распознавании (нередко переводчик приписывает данному народу привычки и обычаи, которых у него нет) и, во-вторых, в умении подыскать наиболее лаконичную форму, в которую и заключить объяснение или намек на сущность дела. Если сравнительно просто дать читателю понять, что хочет сказать персонаж, глядя с сожалением на собеседника и крутя ладонь с растопыренными пальцами у виска или посвистывая и уперев опять-таки в висок указательный палец, то весьма нелегко несколькими словами рассказать легенду, передать суть приметы, растолковать традиционное поведение, направить мысль читателя к известной каждому носителю языка сказке или произведению литературы.

Ситуативные реалии, описывая образ жизни и черты характера отдельного народа, требуют выхода «за слово», внимательного прочтения и дополнительных модификаций при переводе, чтобы не исказить содержание речевого произведения. Это означает, что, кроме универсального и признанного всеми языкового кода, необходимо принять во внимание существование особого, тщательно разработанного, скрытого кода, который нигде не описан, никому не известен, но понятен всем (*written nowhere, known by none and understood by all*) (уточним: понятен для живущих в одном лингвокультурном сообществе). П.Топер, давая подобное описание «скрытого кода», имел в виду кинесику. Это означает, что среди прочего переводчику нужно помнить, что *giggle* – смеяться, хихикать не во всех культурах является формой смеха, например, в японском – это реакция

смущения и расстройства [55, с. 137]. Перенос же известное замечание о несовпадении употребления восклицательного знака в русском и точки в английском на поведенческие процессы, можно предположить, что не только англичане восклицают тише, чем русские, но и американцы обнимаются по-иному, чем это делают русские. Так, английское *hug*, хотя и имеет значение *крепко обнимать, сжимать в объятиях*, не соответствует русскому *бросаться на шею*, даже если речь идёт о встрече двух братьев. Поэтому при переводе с английского: *Donny hugged him for a long time* [69, p.36], в качестве возможного варианта можно предложить: *Донни крепко обнял брата*, а не излишне эмоциональное описание, представленное в русском издании: *Донни бросился брату на шею (пер. мой. – Т.П).*

Приведём ещё несколько примеров некорректного перевода ситуативных реалий, представленных в русском издании романа Дж. Гришема. Например, ... *old people rocked in their porch swings and waved – slowly.* [69, p.86]

У русского читателя появляются основания для недоумения, когда он узнаёт, каким образом жители небольшого городка приветствуют героев романа, прогуливающих по вечерним улицам:

... пожилые люди раскачивались на качелях и махали им вслед.

Динамика, энергия, интенсивность действия, представленные в русских глаголах *раскачать* - «двигая, толкая, заставить качаться» и *раскачаться* - «начав качаться, приобрести размах», семантика и видовая характеристика глагола *махать* - «делать движения, взмахи в воздухе руками» [63, с.79], вступают в смысловое противоречие с общей спокойной и даже замедленной тональностью английского предложения: Действительно, англ. *Swings* – соответствует рус. «качели», но *porch swings* – это иной перцептуальный образ и иное предметное содержание, отличное от русского квазиэквивалента. Из текста перевода остаётся неясным, что речь идёт о специальных подвесных креслах, устанавливаемых на верандах, террасах

домов в южных штатах, а не о взмывающих вверх качелях, ассоциирующихся в русском сознании с активным отдыхом и досугом детей, молодых людей и только, как исключение – людей пожилых. Представляется, что в качестве альтернативы можно предложить следующий вариант: *...на верандах домов пожилые люди покачивались, устроившись в подвесных креслах, и медленно махали им вслед (пер. мой. – Т.П.).*

Решение переводчика преобразовать, сохранить эти модели, привести их в соответствие с ментальным и речевым опытом реципиентов предопределяет его последующие стратегии. Например, желание сохранить в порядке ограждение, расположенное вокруг дома, характерно и для русских, и для американцев. Неважно, в какой степени это типично для каждой из культур; в сознании представителей обеих культур присутствует такая информация. Её речевое отражение – когнитивная модель – в сознании американца может быть связана с метафорическим стереотипным образом, заимствованным из сферы парикмахерского дела, тем более, что чаще всего речь идёт о живой изгороди, отсюда вполне узуальное для сознания англоговорящего употребление глагола *to manicure* – 1) «to give a manicure to»; *manicure* - «treatment of hands and fingernails»; 2) «to trim closely» - 1) «делать маникюр», 2) «коротко стричь».

В романе Дж. Гришема читаем: *«The hedges had been manicured»*, что вполне соотносимо с русским: *«Живые изгороди были аккуратно подстрижены»* (пер. мой. – Т.П.). [69, p.108]

Переводчики романа избирают иной подход. Можно предположить, в своей стратегии они исходят из того, что в сознании русскоговорящего конвенциональный стереотип, перцептивное представление о дворовом ограждении связывается с забором, оградой: *забор* - «стена, обычно деревянная, отделяющая или ограждающая что-либо; ограда» [58, с.63]. В соответствии с этим типичным (прототипичным) представлением в переводном варианте избирается когнитивная модель для реализации познавательной структуры - «содержать в порядке». На следующем этапе

стабильное ментальное содержание операционально соотносится со стабильными языковыми единицами, представляющими её.

Обращение к *представлению* в попытке воссоздать переводческую рефлексию вполне оправдано. Представлению всегда приписывался когнитивный статус, т.е. оно рассматривается как носитель знания об объекте. Такое знание приобретает как в результате непосредственного перцептивного контакта с объектом (причём основным способом получения знания при этом оказывается визуальное восприятие), так и опосредованного – дискурсивного контакта. «В этом – эмпиричность представления и его способность быть содержанием и частью (жизненного опыта) – «практического» знания» [50, с. 233]. В личном опыте и в языковой практике русской языковой личности представление о том, каким образом содержится в порядке забор, связывается с тем, что его можно, например, *поставить, починить, подправить, подделать* и, наконец, *покрасить*.

Вероятно, этим можно объяснить смысловые преобразования, к которым прибегают переводчики романа, заменив подстриженную живую изгородь в подлиннике на следующий вариант: *Невысокая ограда вокруг поблёскивала свежей краской* (пер. мой. – Т.П).

Нам представляется неоправданным стремление «приблизить писателя» к читателям романа, прибегнув в описываемой ситуации к излишней «доместикации» образа, положив в его основу иную когнитивную модель. Выделение коннотативных и ситуативных реалий, интерпретирующий, а не трансформационный перевод, способствующий экспликации их содержания, обязательное обращение к своеобразию конструируемой «картины мира» при их переводе, «опредмечивающей индивидуальный, групповой и этнический вербальный и невербальный опыт» [51, с. 118] коммуникантов, неизбежно приводят к выводу о том, что оперирование языком – это оперирование культурно детерминированными знаками, получающими своё содержание в деятельности людей. Отсюда следует, что *при переходе к процессу перевода невозможно намеренно игнорировать обращение к психической, умственной,*

эмоциональной и интенциональной деятельности тех, кто пишет, читает и переводит, даже если на этот счёт делается специальная оговорка, например: «...нас интересует здесь, в первую очередь, рассмотрение процесса перевода в плане именно лингвистическом, в отвлечении от физиологических и психологических факторов, определяющих его реализацию» [52, с. 6].

Узколингвистические параметры исследования процесса перевода заранее обрекали его на получение заведомо неполных данных. Это осознавали и сами сторонники лингвистических моделей перевода, особенно те из них, кто связывал перевод со специфическими задачами, заключающимися в выявлении механизма этого процесса, логики переводческих решений. Так, А.Д. Швейцер неоднократно отмечал в своих работах, что чрезмерное сужение лингвистической теории перевода сводит её к элементарному противопоставлению форм [63, с.27]. По мнению учёного, модель процесса перевода, претендующая на отражение его многомерности должна демонстрировать взаимосвязь двух основополагающих корреляций: 1) исходного языка и языка перевода и 2) исходной культуры и культуры получателя перевода.

Концепция динамической (коммуникативной) эквивалентности перевода, широко представленная как в русских, так и в зарубежных переводческих школах, придавала особое значение культурно-этническим аспектам перевода, в том числе и культурной адаптации текста при переводе. На данном этапе культурная составляющая ещё не признавалась необходимым и неотъемлемым условием успешного перевода, а лишь способствовала тому, чтобы перевод выполнял свою главную функцию – являлся полноценной коммуникативной заменой текста оригинала. Несмотря на это, коммуникативный подход к переводу был ценен тем, что именно в его рамках происходила постепенная актуализация двух понятий, имеющих непосредственное отношение к его культурной обусловленности и смысловой ассимиляции, – «фоновые знания» и «лингвоэтнический барьер».

Учёт фоновых знаний адресата считался одним из неперенных условий переводческой компетенции, поскольку фоновые знания представляют собой «...реальные сведения о действительности той страны и того народа, о которых идет речь в переводе». В более узком понимании фоновые знания сводились к знанию «реалий» – «слов, обозначающих предметы и явления действительности одной культуры, не имеющие соответствий либо обозначений в другой культуре». Более широкая трактовка предполагала знание исторического и социального контекста и усвоение «реалий-сведений», то есть «фактов смыслового уровня сознания», «обобщенных образов», регулирующих вербальное и невербальное поведение участников общения. С этого времени в теории перевода всё чаще предлагалось рассматривать художественный текст как часть культуры иностранного языка, то есть с учётом его социокультурного фона.

К проблеме исследования и классификации реалий и выявления оптимальных способов их передачи на язык перевода в переводоведении также применялись разные подходы. Так, например, в основу одной из классификаций был положен принцип учета функциональной роли, которую они играют в сообщении, поэтому среди реалий различали «денотативные», «коннотативные» и «ситуативные». По другой версии, «лингвокультурологические реалии», или «лингвокультуремы», классифицируются в зависимости от степени проявления «культуроносного компонента значения», который служит их отличительным признаком. В разных словах он выражается неодинаково, так как восприятие чужой культуры всегда избирательно. Для выражения культууроносного компонента значения язык не изобретает каких-либо приемов, а использует имеющиеся в его арсенале ресурсы, комбинируя их определённым образом. Наиболее подробная классификация реалий была разработана С. Влаховым и С. Флоринными, заслуга которых видится, прежде всего, в многоаспектном освещении данной языковой и культурной единицы. В качестве способов перевода, как правило, назывались устранение реалии в тексте перевода, если в языке перевода

отсутствуют национально-культурные ассоциации с определенным предметом, использование описательного перевода, особенно при передаче некоторых специфических имен собственных, которые могут быть неизвестны адресату перевода, и т. д.

В современных исследованиях, делающих особый акцент на культурологическом аспекте перевода, в качестве основной задачи фигурирует выявление принципиальных различий между оригиналом и переводом, обусловленных не столько языковой формой, сколько факторами культуры. Для этого переводчику необходимо осуществить лингвокультурный анализ текстов, участвующих в переводе. Первые попытки анализа текстов переводов в культурологическом аспекте были предприняты в рамках этнопсихолингвистики. Цель таких исследований заключалась в определении составляющих этнических картин мира с помощью языковых данных с национально-культурным компонентом и в установлении меры лакунизации языковых систем относительно друг друга. Специально разработанная методика анализа текстов переводов представляет собой обнаружение лакун в данных текстах. В настоящее время она традиционно используется для описания культурологического взаимодействия носителей двух сопоставляемых языков, так как с её помощью можно выявить коннотативно-аксиологические составляющие, которые играют роль специфических ориентиров в пространстве представлений / смыслов индивида. Соответственно, под лакунами при восприятии инокультурного текста понимается все то, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным и требует интерпретации, что воспринимается им как непонятное, непривычное, экзотичное, чуждое, неточное, ошибочное, то есть то, что может остаться незамеченным или же интерпретированным не так, как это было бы типичным для носителя культуры-источника.

Поскольку текст одновременно является одной из форм существования культуры и высшим уровнем языка, то проявления его культурно-

обусловленных особенностей можно охарактеризовать как лингвокультурные доминанты, которые, с одной стороны, наиболее ярко характеризуют ту или иную культуру, а с другой – являются вербально выраженными. Сопоставив вербальное выражение лингвокультурных доминант в разных языках, можно получить представление об их культурной специфике, а также о характере движения смыслов текста при переводе.

Таким образом, изучение лингвокультурологического аспекта перевода ситуативных реалий, связано с его культурной обусловленностью, позволяет в полной мере оценить его значимость для процесса взаимодействия культур и считать его одной из важнейших составляющих мировой культуры. Осознание неизбежности смыслового сдвига приводит к изменению прежних представлений о статусе текста перевода и роли переводчика как создателя нового текста.

Выводы по второй главе:

Сопоставительный межъязыковой анализ передачи ситуативных реалий английской культуры в русскоязычном переводе, проведенный в данной главе, позволил сделать следующие выводы:

Все ситуативные реалии, вышеописанные в работе, можно разделить на две составляющие группы, т.е. ситуативные реалии в которых непосредственно, в большинстве случаев, доминирует когнитивно-семантический или лингвокультурологический аспект.

Среди большинства ситуативных реалий, описанных в приведенных примерах из художественных текстов, выделяются ситуативные реалии, обусловленные национально-культурной маркированностью. При описании такого рода ситуативных реалий, содержащих культурозначимую информацию, активируется культуральный фрейм. Ситуативные реалии, которые не выражали национально-культурную специфику, мы рассматривали как языковые единицы с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ ряда переводных художественных текстов и их английских оригиналов показал соответствующие расхождения в способах описания ситуативных реалий, а также случаев замены описываемой ситуации и основывалось на теорию уровней эквивалентности и теорию фреймов.

В ходе анализа ситуативных реалий, описанных в оригинале и переводе, мы рассмотрели только первый, второй и третий уровни эквивалентности, поскольку передача функционально-ситуативного содержания оригинала происходит именно на данных этапах в процессе перевода. Четвертый и пятый уровни не рассматривались, так как ситуативная эквивалентность на данных уровнях была уже достигнута и смысловая константа основывается на передаче языковых единиц и сохранении синтаксических и семантических структур исходного текста.

В большинстве случаев адаптация является распространенным переводческим приемом, достаточно широко используемым для передачи ситуативных реалий английской культуры в тексте перевода. Применение данного вида переводческой трансформации, отчасти обусловлено асимметрией языковых картин мира, созданных различными национальностями, поэтому переводчик вынужден заменять языковые реалии языка оригинала языковыми реалиями языка перевода, что неизбежно приводит к искажениям культурологической информации, содержащейся в переводимом произведении. Но иногда использование адаптации продиктовано, не необходимостью заменять одну языковую реалию другой, в силу асимметрии языковых картин мира, а желанием переводчика сделать перевод более понятным для его читателя, незнакомого с английской культурой, что также приводит к искажениям культурологической информации в переводе.

Нередко для передачи ситуативных языковых реалий, переводчик вынужден был заменить непонятный элемент добавочной информацией, дабы обеспечить адекватное понимание передаваемого сообщения. К такого рода трансформациям прибегают в тех случаях, когда расхождения культурного плана могут воспрепятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик устраняет эти препятствия, внося в текст необходимые изменения.

Следовательно, отсутствие необходимых фоновых знаний в процессе перевода ситуативных реалий, вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в перевод необходимых дополнений и разъяснений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования были доказаны или подтверждены следующие предположения:

1. Для англоязычной и русскоязычной когнитивных систем характерно наличие определенного набора типов и подтипов фреймов, активируемых при описании определенного типа ситуативной реалии.

2. В случае если при передаче ситуативной реалии активируемые в ИЯ и ПЯ фреймы совпадают, переводчик сохраняет способ описания ситуативной реалии при переводе, соответственно, если активируются подтипы, принадлежащие разным типам фреймов, то способ описания ситуативной реалии в переводе требует изменения. Причиной замены ситуации, как было указано выше, является несовпадение активированных фреймовых структур в когнитивных системах рецепторов оригинала и перевода.

3. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа нам удалось установить определенную закономерность между типом ситуативной реалии, уровнем эквивалентности перевода и использованной переводческой трансформацией.

4. Для переводов фразеологических единиц, выполненных на первом уровне эквивалентности, характерно использование целостного преобразования.

5. Для второго уровня эквивалентности, при описании ситуативной реалии с доминирующим когнитивно-семантическим аспектом, характерно использование целостного преобразования, смыслового развития и антонимического перевода; при описании ситуативной реалии с доминирующим лингвокультурологическим аспектом, характерно использование описательного перевода.

6. Для переводов, выполненных на третьем уровне эквивалентности, характерно использование генерализации и конкретизации. Прагматическая адаптация при переводе высказываний, описывающих ситуативной реалии с доминирующим лингвокультурологическим аспектом, осуществляется с

помощью использования описательного перевода, а также приема опущения реалии или замены реалии исходной культуры на реалию близкую рецептору перевода. Приоритетной аспектом нашего диссертационного исследования является, конечно же, стало изучение роли социокультурных и прагматических факторов в процессе перевода ситуативных реалий.

Под ситуативной реалией подразумевается понимание внеязыкового фона, созданного иносказаниями, словами-реалиями, аллюзиями, намеками и использующуюся в ситуативном контексте, который включает в себя целый комплекс информации, сопутствующей реализации единицы перевода в тексте с учетом лингвокультурологической и экстралингвистической составляющих.

Перевод ситуативных реалий несколько выходит за рамки межъязыковых преобразований и предполагает обращение к действительности, поскольку любой денотат, т.е. элемент окружающей действительности, любая ситуация могут быть описаны по-разному. Причем в каждом языке есть свои устоявшиеся способы их описания. И эти способы надо находить не путем преобразования отдельных единиц текста, а через описываемый денотат, через описываемую ситуацию. Ситуативная модель предполагает определение денотата или ситуации через исходный текст и создание на их основе текста перевода. Таким образом, перевод ситуативных реалий отталкивается от смысла высказывания как объективной данности, отождествляя смысл с ситуацией.

При передаче ситуативной реалии в тексте перевода нежелательно вытравливание всех слов и словосочетаний, обладающих национальной спецификой. Такой подход к переводу языковых реалий наносит непоправимый ущерб национальному колориту, а порой и смыслу переводимого произведения. С другой стороны, перевод ситуативной реалии отнюдь не означает скрупулезное перенесение всех языковых реалий. Это не способствует сохранению национального колорита подлинника, а наоборот

придает переводу, несвойственную подлиннику, экзотичность и затрудняет восприятие текста перевода читателем.

Цель переводчика добиться того, чтобы национальное своеобразие языковой реалии не бросалось в глаза в тексте перевода, а воспринималось читателем вместе с контекстом, в качестве единого целого. Ведь языковые реалии призваны придавать больше правдивости, достоверности произведению. Главным критерием, при передаче языковой реалии в тексте перевода, должна служить ее функциональная весомость в контексте. В каждом конкретном случае переводчик должен понять какую роль в тексте играет языковая реалия и, исходя из этого, искать наиболее оптимальный способ перевода. Так, например, исходя из функции сокращений и аббревиатур в тексте, переводчик должен передать их доступными средствами для языка, на который осуществляется перевод, не навязывая абракадабры вместо аббревиатур. Таким образом, успех передачи языковых реалий в тексте перевода во многом зависит от чувства меры, вкуса и опытности переводчика.

В ряде случаев переводная литература содержит искажения, обусловленные межкультурной асимметрией. По этой причине, перевод художественных произведений нельзя рассматривать как полноценный, достоверный источник культурологической информации, так как переводная литература может создать ложное представление у читателя о русской культуре.

С позиций когнитивной парадигмы совершенно очевидно, что ситуативные реалии – это не только традиции и нормы, принимаемые определённым лингвокультурным сообществом, но и актуализация несходных когнитивных моделей в сознании представителей разных сообществ, с помощью которых представлены однотипные структуры знаний.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости проведения дальнейших сопоставительных исследований текстов

оригинального произведения и его перевода, поскольку проблема передачи ситуативной реалии в тексте перевода предоставляет богатейший материал для этого. Например, исследование процесса передачи ситуативной реалии в тексте перевода может осуществляться на базе соотношения способа передачи языковой реалии в тексте и жанровых особенностей переводимого произведения, и т.п.

Поднятая в диссертации проблема передачи ситуативной реалии в тексте перевода показывает, что при переводе необходимо учитывать различия между культурами, так как пробелы в знании культур чреватые не только лингвистическими, но и психологическими конфликтами, в конечном счете, взаимонепониманием между народами. Перевод призван раскрывать друг другу разные национальные культуры, делать общую картину мира богаче, разнообразнее, ярче, сокращать культурные расстояния между народами, ведь недаром говорят, что перевод - это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур.

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что анализ ситуативных аспектов в переводе ведет к признанию достаточного влияния ситуативных факторов на процесс перевода. При этом многогранность самой ситуативной реалии и проблема языковой избирательности при ее описании открывает широкое поле для дальнейшего исследования.

Список использованной литературы:

1. Каримов И.А. Идеология – это объединяющий флаг нации, общества, государства. // Свое будущее мы строим своими руками. – Т.: Узбекистан, 1999. – Т. 7.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. - М.: Изд. Центр «Академия», 2004. - 347 с.
3. Алимов В.В. Специальный перевод и лингвистическая интерференция / Моск. откр. соц ун-т. - М., 2003. - 134 с.
4. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. - 4-е изд., испр. - М.: Эдиториал УРСС, 2006.-160с.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. - 2-е изд. - М.: ЛКИ, 2008. - 240 с.
6. Берков В. П. Современные германские языки / В. П. Берков. – М.: АСТ, Астрель, 2001. – 336 с.
7. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста: (Для институтов и факультетов иностранных языков). -3-е изд., стереотип, - М.:НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. - 224 с.
8. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Изд-во УРАО, 2000. - 208 с.
9. Бурак А.Л. Translating Culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: Уровень слова. - 2-е изд., стер. - М: Р. Валент, 2005.-152 с.
10. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Изд., 3-е, перераб. и доп. - М., 1983. – 225 с.
11. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
12. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. -2-е изд., перераб. - М.: Университет, книга, 2007. - 240 с.
13. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. - М.: Валент, 2009. – 296 с.

14. Гарбовский Н.К. Теория перевода. - М.: МГУ, 2004. - 543 с.
15. Голикова Ж.А. Перевод с английского на русский = Learn to translate by translating from English into Russian. - 4-е изд. - М.: Нов. издание, 2008. - 287 с.
16. Денисова Г.В. В мире интертекста: Язык, память, перевод. - М.: Азбуковник, 2003. - 297 с.
17. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е.А. Английский язык: Курс перевода: Книга для преподавателей. - М.: Март, 2008.- 288 с.
18. Ермолович Д.И. Основы профессионального перевода. - М.: Логос, 1996. - 335 с.
19. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кириозе З.И. Межкультурная коммуникация: Системный подход. - М.: Флинта, 2007. - 222 с.
20. Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1985. - 95 с.
21. Иеронова И.Ю. Коммуникативные ошибки в деятельности лингвиста-переводчика и способы их предупреждения. - Калининград: Изд-во КГУ, 2004. - 126 с.
22. Иконникова С.В. Диалоги о культуре. – Л., 1987.- 152 с.
23. Казакова Т.А. Художественный перевод: теория и практика. - М.: Инъязиздат, 2006. - 236 с.
24. Калинина В.Д. Теория и практика перевода. - М.: РУДН, 2008. - 179 с.
25. Ковалева К.И. Оригинал и перевод: Два лица одного текста. - М: ВЦП, 2001.- 97 с.
26. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: Проблемы перево-доведения в освещении зарубежных ученых. - М.: Междунар. отношения, 2004. - 134 с.
27. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. - М.: ЭТС, 2002.-192 с.
28. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. - М., 1976. – 185 с.

29. Латышев Л.К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. - М.: НВИ-Тезаурус, 2001. - 136 с.
30. Латышев Л.К. Технология перевода. - М.: Академия, 2008. - 320 с.
31. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания. - М.: Академия, 2008. - 192 с.
32. Левый И. Искусство перевода, М., Прогресс, 1974.- 154 с.
33. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. - М., 1985.- 225 с.
34. Льюис Р.Д., Райф А.Х. Игры и решения. Введение в критический обзор. – М., 1961. – 153 с.
35. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. - М.: ЧНУЗ Моск. Лицей, 1996. - 207 с.
36. Мирам Г.Э., Гон А. Профессиональный перевод. - М.: Эльга-Н, 2006.- 136 с.
37. Михайлов А.В. Обратный перевод: Русская и западноевропейская культура: Проблемы взаимосвязей. - М.: Яз. рус. культуры, 2000. - 852 с.
38. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Г. Наука о переводе. - М.: Флинта, 2008.- 413 с.
39. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 319 с.
40. Оболенская Ю.Л., Художественный перевод и межкультурная коммуникация. - М.: Высш. школа, 2006. - 335 с.
41. Разинкина Н.М., Гуро Н.И. Международные контакты. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. школа, 2004. - 224 с.
42. Ревзин И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – М., 1964.- 128с.
43. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 536 с.
44. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. - 2-е изд., стер. -М.: Р. Валент, 2007. - 240 с.

45. Россельс В. Опыт теории художественного перевода // Левый И. Искусство перевода. М. 1974.- 230 с.
46. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 256 с.
47. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. - М.: АСТ: Восток - Запад, 2006. - 448 с.
48. Семенов А.Л. Основные положения общей теории перевода. - М.: РУДН, 2005.- 99 с.
49. Семенов А.Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. - М.: Академия, 2008. - 160 с.
50. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода. -М.: Академия, 2005. - 304 с.
51. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. - М.: Наука, 1989. - 182 с.
52. Терехова Г.В. Теория и практика перевода. - Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004.- 103 с.
53. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. - 624 с.
54. Томахин Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки, № 5, 1988. С. 82- 90.
55. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. - М.: Наследие, 2000. - 254 с.
56. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку//Новое в лингвистике (пер. с англ. и франц.). Вып. 1-2. – М., 1960-1962. – С. 25-34
57. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: (Лингвистические проблемы). - М: Филология, 2002. - 416 с.
58. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. - 268 с.
59. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М.: МГЛУ, 1995. – 42 с.

60. Цатурова И.А., Каширина Н.А. Переводческий анализ текста: Английский язык. - М.: Союз Перспектива, 2008. - 296 с.
61. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. – М.: Либроком, 2009. – 208 с.
62. Чужакин А.П. Устный перевод XXI: Теория + практика, переводческая скоропись. - М.: МГИ им. Е.П. Дашковой, 2001. - 256 с.
63. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты. -2-е изд. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 216 с.
64. Шеметов В.Б. Коммуникация и перевод. - Челябинск: Челябинск, гос. ун-т, 1999. - 115 с.
65. Шереминская Л.Г. Настольная книга переводчика. - М.: Феникс, 2008. - 252 с.

Список использованных художественных произведений:

66. Bronte E. Wuthering Heights. – Wordsworth Editions Ltd., 1992. – 272 p. 90
67. Collins W. The Moonstone. – Penguin Books Ltd., 2001. – 464 p.
68. Collins W. The Woman in White. – Wordsworth Editions Ltd., 2002. – 528 p. 92
69. Grisham J. The Chamber. – Random House, 1998. – 602 p. 93
70. Henry O. Cabbages and Kings/ O. Henry – Книга для чтения на английском языке. – М.: Изд-во КАРО. – 346 с. 94
71. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat. – England: Penguin Books, 1994. – 186 p. 95
72. Maugham W. S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard / W. S. Maugham. – Книга для чтения на английском языке. – М.: Изд-во "Менеджер", 2000. – 155 с. 97

73. Maugham W. S. *The Moon and Sixpence. Short Stories* / W. S. Maugham. – Книга для чтения на английском языке. – М.: Изд-во "Менеджер", 2000. – 225 с. 96
74. Maugham W. S. *Theatre* / W. S. Maugham. – Книга для чтения на английском языке. – М.: Международные отношения, 1979. – 125 с. 98